

Христиан Вольф

Эмпирическая психология

Часть II. О способности
желать в частности
и о взаимодействии между
умом и телом

Христиан Вольф

**Эмпирическая психология.
Часть II. О способности желать
в частности и о взаимодействии
между умом и телом**

«Издательские решения»

Вольф Х.

Эмпирическая психология. Часть II. О способности желать
в частности и о взаимодействии между умом и телом /
Х. Вольф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-645004-2

Благодаря своим латинским работам Вольф стал автором, получившим
международное распространение, а его психология, в частности, стала частью
европейской интеллектуальной повестки дня.

ISBN 978-5-00-645004-2

© Вольф Х.
© Издательские решения

Содержание

Раздел I. О способности желать	6
Глава I. О удовольствии и унынии, а также о понятии добра и зла	6
Глава II. О чувственном влечении и отвращении	33
Глава III. О чувствах	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эмпирическая психология

Часть II. О способности желать в частности и о взаимодействии между умом и телом

Христиан Вольф

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Христиан Вольф, 2024

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0064-5004-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0064-4549-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раздел I. О способности желать

Глава I. О удовольствии и унынии, а также о понятии добра и зла

§. 509. Установление автора

Мы уже обсудили способность познания, и теперь нам нужно перейти к способности желать. Желание возникает из познания, а не по ошибке. Поэтому сейчас важно подробно объяснить, как желания формируются на основе понятий. Для полного понимания способности желать также важны понятия определенности и вероятности в человеческом познании, а также мнения и ошибки, о которых мы еще не говорили. Однако уже в других местах было достаточно обсуждено каждое из этих понятий в отдельных главах (§. 564 и далее Лог.), поэтому нет необходимости повторять уже сказанное. Таким образом, опираясь на известные нам предпосылки, мы обращаемся к объяснению связи между познанием и желанием, обсуждая такие понятия, как удовольствие и скука, а также добро и зло. В первую очередь, из познания возникает удовольствие, затем формируется суждение о ценности объекта, и, наконец, возникает желание. В противоположной ситуации, когда речь идет о негативном опыте, познание вызывает скуку, за которой следует суждение о том, что это зло, и в итоге – отвращение. Различение желания и отвращения имеет важное значение, так как эти понятия служат основой всей моральной философии, и именно из этого чистого источника выводятся основы права.

§. 510. истинная и кажущаяся разница.

Истинное суждение – это то, что можно продемонстрировать через неэффективную силу понятия, или, если хотите, то, что действительно присутствует в объекте. Кажущееся суждение – это то, что мы ошибочно приписываем. То же самое можно сказать и о несовершенстве. Идею как совершенства, так и несовершенства вообще мы дали в первой философии (§. 503.). Совершенство любого объекта формируется через рассуждение. Когда это происходит, становится очевидным, что истинное совершенство или несовершенство вещи не существует. Таким образом, прагматическое определение прежнего совершенства и несовершенства оказывается верным, хотя и сопоставимо с другим определением. Однако не все используют четкие понятия совершенства и несовершенства, когда оценивают объекты; часто они заменяют это предвзятостью. Из-за этого возникают ошибки, когда они считают объект совершенным или несовершенным, хотя это не так. Не осознавая своей предвзятости, они убеждают себя в том, что объект действительно совершенен или несовершенен. Люди, ослепленные своими предвзятыми мнениями, воспринимают как совершенное или несовершенное то, что не соответствует действительности. Таким образом, совершенство и несовершенство становятся лишь видимыми концепциями.

§. 511. Определение удовольствия.

Удовольствие – это интуитивное восприятие или понимание совершенства чего-либо, будь то истинного или кажущегося.

Это различие в понимании удовольствия мы должны Декарту, как уже упоминалось в «Часах» 1719 года, том 1, §2. В письме к принцессе Елизавете Пфальцской он говорит: «Все наше удовольствие заключается только в осознании какого-либо совершенства, и, кроме того, он отмечает, что при оценке совершенства люди часто путают то, что кажется, с тем, что есть на самом деле. Поскольку мы интуитивно знаем, насколько наши идеи ясны (§286): Декарт, очевидно, выводит удовольствие из интуитивного понимания совершенства. Конечно, тот, кто испытывает удовольствие от чего-либо, представляет себе его совершенство и осо-

знает это. Однако он также подчеркивает, что люди при оценке совершенства часто путают то, что кажется, с тем, что есть; он явно намекает на то, что удовольствие воспринимается не меньше от кажущегося совершенства, чем от истинного, и здесь это одинаково, независимо от того, является ли суждение о том, что вещь совершенная, истинным или ложным. Важно, чтобы мы поняли, что удовольствие не менее воспринимается от кажущегося совершенства, чем от истинного, поскольку это лежит в основе всех моральных зол.

§. 512. Является ли опыт соответствующим.

Понятие удовольствия, которое мы рассмотрели, связано с нашим опытом. Каждый из нас знает, что мы получаем удовольствие от образа, например, винограда, который мы воспринимаем настолько похожим на настоящий, что считаем его тем же самым. Удовольствие здесь не возникает от самого объекта, который представлен, или, в данном случае, от винограда, поскольку у нас не возникает двойного удовольствия при взгляде на виноград, хотя мы хорошо осознаем, что это именно виноград, который мы видим. Удовольствие также не возникает от того, что, приближаясь к образу, мы понимаем, что не судили верно, когда принимали нарисованный виноград за натуральный, и испытываем скуку, когда осознаем, что наше суждение оказалось ошибочным. Поэтому удовольствие возникает из нашего осознания сходства между нарисованным виноградом и натуральным, и мы убеждены в том, что сравнили нарисованный с натуральным. На самом деле, в сходстве изображения с прототипом заключается его совершенство. Следовательно, все удовольствие заключается в том, что ты осознаешь совершенство изображения или, что то же самое, интуитивно его понимаешь. В действительности никто не оспаривает, что восприятие изображения следует оценивать по его сходству с прототипом: если кто-то хочет доказательства, мы легко его предоставим. Когда художник создает картину, например, рисует виноград, его цель заключается в том, чтобы изобразить прототип – виноград на холсте. Изображение должно быть очень похоже на оригинал, и те элементы, которые мы видим на картине, точно соответствуют тем, что есть в прототипе (§. 195 Онтология). В изображении нет ничего, что не имело бы аналога в оригинале, и наоборот, в оригинале нет ничего, что не было бы представлено в изображении. Каждая деталь, различимая в картине, является представлением прототипа, а все вместе они составляют полное изображение оригинала; элементы картины согласуются друг с другом, и именно в этой согласии, а также в сходстве, заключается совершенство изображения (§. 503 Онтология). Мы также получаем удовольствие от часов, которые точно показывают время и все их детали. В этом и заключается совершенство часов, так как они созданы для того, чтобы показывать время (примечание §. 573 Онтология). Таким образом, удовольствие от часов возникает из нашего осознания совершенства их архитектуры, что приносит удовлетворение, когда мы смотрим на здание, построенное по архитектурным правилам. Тем не менее, если структура здания полностью соответствует архитектурным правилам, это позволяет объяснить, почему каждое его элемент должно быть именно таким; здание считается совершенным. Таким образом, знаток архитектуры осознает совершенство здания, когда получает от него удовольствие. Есть люди, которые находят удовольствие в распушенной жизни, потому что живут, абсолютно независимые от чужого влияния. В этом смысле они ошибочно воспринимают свою независимость как признак совершенства и получают удовольствие, осознавая некое видимое совершенство. Поэтому не следует противопоставлять случаи, когда, получая удовольствие, они не могут быть уверены в каком-либо истинном совершенстве, той концепции удовольствия, которую мы описали. Важно отметить, что не обязательно, чтобы кто-то в общем считал, что объект, который он воспринимает, является завершенным. Достаточно, чтобы это завершение, будь то истинное или по крайней мере кажущееся, воспринималось на интуитивном уровне. Таким образом, не требуется, чтобы судьи считали изображение завершенным, как прототип; достаточно, чтобы ты осознавал его сходство. Также не нужно, чтобы судьи считали часы завершенными; достаточно, чтобы ты понимал, что они точно показывают время. И не нужно, чтобы кто-то считал, что жизнь явля-

ется завершенной; достаточно, чтобы он осознавал, что делает то, что ему хочется. Ведь суждение, которое мы устанавливаем, основывается на том, что мы осознаем, и завершение воспринимаемого объекта связано с известными понятиями, которые распознаются лишь теми, кто способен с особой проницательностью их анализировать и выделять различия.

§. 513. Постоянство удовольствия.

Если существует истинное совершенство и можно показать, что нечто действительно совершенно, то удовольствие становится постоянным переживанием. Оно возникает всякий раз, когда человек осознает это совершенство. Если совершенство подлинное, его можно продемонстрировать как невыразимое качество (§. 510). Те, кто осознает это, могут обосновать свои утверждения с помощью гипотезы, гарантирующей, что они являются частью сферы совершенства, которую они воспринимают в этом объекте (§. 568 Лог.), и нет причин опасаться, что их суждение когда-либо поколеблется. Таким образом, всякий раз, когда они сосредотачивают на нем свое внимание, они неизменно утверждают, что этот объект принадлежит к царству совершенства, напоминая об уверенности своего первоначального суждения и ощущения (§117. 213). Следовательно, удовольствие неизменно возникает всякий раз, когда человек осознает это совершенство (§. 511). Это подтверждается и постфактум. Сходство изображения – это истинное восприятие, и тот, кто умеет это доказывать, может установить восприятие изображения на основе сходства, не поддаваясь предвзятости, чтобы убедить себя в обратном. В данном случае мы, не прибегая к доказательствам, обращая внимание на связанные понятия, приходим к выводу о восприятии изображения через сходство. Действительно, как только ты замечаешь сходство объекта с его прототипом, ты также испытываешь удовольствие, и никогда не бывает так, чтобы изображение отличалось из-за этого сходства. Таким образом, тот, кто получает удовольствие от познания истины или от того, что находит истину, постоянно испытывает это удовольствие, всякий раз, когда размышляет о познании истины, или когда он уже осознает истину, ранее скрытую или незнакомую ему. Что касается осознания истинного совершенства в каждом из этих случаев, это было показано в «Часах» в 1729 году, весной, когда я говорил о удовольствии, получаемом от познания истины; оно всегда возникает, когда кто-то осознает это совершенство (§.511). Хотя из вышесказанного видно, что удовольствие, которое мы испытываем, остается постоянным, когда мы осознаем истинное совершенство и точно его познаем, все же стоит показать это наглядно. Тот, кто через доказательства понял, что искусство нахождения является высшим проявлением человеческого интеллекта, будет всегда так судить о правде, когда у него есть возможность размышлять об этом искусстве. Поскольку осознание несуществующего искусства нахождения в любом случае, когда он о нем судит, воспринимается как совершенство его интеллекта, в любом случае необходимо учитывать ту же причину удовольствия (§. 511). Поэтому также важно в любом случае принимать во внимание то же удовольствие (§.189 Онт.). Таким образом, удовольствие возникает всякий раз, когда мы осознаем искусство нахождения в себе, следовательно, это удовольствие является постоянным. Я не думаю, что кто-то сможет истолковать представленное здесь утверждение в искаженном смысле, поскольку оно очевидно и не нуждается в дополнительных доказательствах. Чтобы ощутить удовольствие, недостаточно просто осознавать его существование среди удовольствий; ты также должен понимать, что оно действительно относится к этой категории. Если ты не осознаешь, что то, о чем ты знаешь, связано с наслаждением, то никакого удовольствия ты не испытываешь. Если же по ошибке ты решишь, что это относится к недостаткам, то вскоре ощутишь скуку, как станет очевидно позже. Важно понимать, когда удовольствие является постоянным, так как это позволит нам сделать множество выводов в области моральной практики.

§. 514. Истинное и мнимое удовольствие.

Истинное удовольствие возникает из подлинного стремления, тогда как мнимое удовольствие – из внешних факторов. В моральной философии важно различать истинное удоволь-

ствие и мнимое. Многие люди совершают преступления, потому что путают мнимое удовольствие с истинным.

§. 515. Каково истинное удовольствие.

Поскольку удовольствие является постоянным, если стремление было истинным и ты можешь это доказать (§. 513), то ты также можешь быть уверен, что удовольствие является истинным (§. 514); истинное удовольствие стабильно как в себе, так и в том контексте, в котором его признают. Конечно, хотя истинное удовольствие и стабильно само по себе, поскольку нет внутренних причин для его изменения, все же может случиться так, что в каком-то конкретном случае оно будет нестабильным и изменится, если человек не признает его, в результате чего истинное суждение, в котором он не убежден, может стать ложным, как станет яснее из последующих примеров.

§. 516. Степень совершенства.

Чем больше совершенство, или хотя бы чем ярче оно проявляется, тем больше будет удовольствие. Для наглядности представим, что совершенство А составляет половину совершенства другого В; тогда В будет в два раза больше А, то есть $V=2A$. Предположим также, что из совершенства А возникает удовольствие С: в этом случае совершенство А будет достаточной причиной для удовольствия С (§.129 Онтология). Таким образом, из совершенства А должно возникать еще одно удовольствие С (§. 189 Онтология); очевидно, что из совершенства, которое в два раза больше А, должно возникать и удовольствие в два раза больше С, следовательно, из совершенства, которое в два раза больше А, возникает и двойное удовольствие, исходящее из совершенства А. На самом деле совершенство В является двойным совершенством А по гипотезе. Следовательно, из совершенства В возникает двойное удовольствие, которое исходит из совершенства А. Поскольку это также очевидно, если рассмотреть любую другую систему совершенств, в общем, можно утверждать, что удовольствие будет тем больше, чем больше будет совершенство.

Действительно, если удовольствие возникает, не имеет значения, было ли совершенство истинным или лишь кажущимся (§. 511); следовательно, независимо от того, происходит ли это в результате фактического восприятия или по ошибке ему приписывается (§.510). Поэтому, если совершенство В хотя бы кажется двойным совершенством А, то, как и в случае истинности, из него должно возникать двойное удовольствие, которое исходит из совершенства А. Следовательно, если совершенство хотя бы больше проявляется, то и удовольствие должно быть больше.

Это также подтверждается на практике. Мы получаем большее удовольствие от изображения, если оно больше, чем если оно меньше. Большее подобие означает более высокое качество изображения, как это показано в предыдущем разделе (§. 512). Поэтому удовольствие в этом случае больше, потому что качество выше, или потому что мы осознаем его большую степень совершенства. Мы также замечаем, что удовольствие уменьшается, если кто-то, обладающий навыками, укажет, что подобие не так велико, как казалось. Таким образом, часть удовольствия зависела от того, что казалось, или была ошибочно приписана объекту. Отсюда следует, что удовольствие также будет больше, если качество просто кажется более высоким. То же самое наблюдается и в других случаях. Никто не оспаривает, что искусство нахождения представляет собой более глубокое понимание, чем полное понимание того, что было открыто другими. Кто может утверждать, что, не имея собственного опыта, не испытывает большего удовольствия от того, что сам, через размышления, открывает скрытую истину, чем от того, что, изучая идеи, предложенные другими, приходит к тем же выводам? Таким образом, мы получаем еще большее удовольствие от глубже осознанного достижения, и это удовольствие становится ярче, потому что мы осознаем большую степень совершенства. Например, если кто-то считает, что нашел истину, скажем, квадратуру круга, но при этом ошибается, и сам же это осознает, он все равно испытывает не меньшее удовольствие, чем если бы дей-

ствительно открыл искомую истину. Таким образом, становится очевидным, что удовольствие может быть даже больше, если ты осознаешь свою ошибку и видишь большую степень совершенства. Об этом уже говорил Декарт, подчеркивая, что каждый из нас может испытать это в себе, если его не лишит остроты ума, необходимой для различения тех вещей, о которых мы знаем о себе. Он ясно утверждает, что, несмотря на удовольствие, возникающее от величия совершенства производящего, люди часто путают очевидное с истинным: этими словами он намекает на то, что достиг понимания этих вещей через опыт. Не должно вызывать затруднений то, что его восприятие того, что не существует, может усиливать степень удовольствия. Удовольствие не возникает из-за того, что вещь, которую мы воспринимаем, действительно существует, и что мы также это воспринимаем; а из того, что мы осознаем это как несуществующее, и, таким образом, судим о ней как о несуществующей, так что акт суждения не проявляется ясно, лишь после того, как восприятия души развиваются. Поскольку, следовательно, удовольствие зависит от акта суждения, то акт различения истинности не всегда достигает его, и, следовательно, место должно быть, независимо от того, истинно ли суждение или ложное. Поэтому очень важно привлекать внимание к удовольствию, которое мы получаем от воспринимаемых вещей, чтобы своевременно исправлять суждения, если когда-либо они могут отклоняться от истины, чтобы ошибка, едва замеченная, не повредила бы нашему желанию.

§. 517. Другой уровень совершенства.

Чем более уверенно мы воспринимаем или считаем истинным суждение о совершенстве объекта, тем больше удовольствия мы от этого получаем. Удовольствие возникает в той мере, в какой мы можем созерцать совершенство в воспринимаемом объекте, или нам кажется, что мы это делаем (§.511). Это не зависит от того, действительно ли совершенство присутствует, а скорее от нашего суждения о его наличии. Поэтому, когда уверенность позволяет нам считать суждение истинным (§. 564 Log.), мы также более осознаны в том, что воспринимаем совершенство объекта, чем если бы наше суждение было менее уверенным. В этом случае созерцание совершенства становится яснее или, по крайней мере, таковым кажется. Следовательно, удовольствие должно быть больше, когда мы яснее видим совершенство, чем когда оно менее очевидно, поскольку в последнем случае скрытая неопределенность мешает возникновению удовольствия (§. 511). Таким образом, удовольствие должно быть больше, если суждение о совершенстве объекта будет более уверенным или явным. Также это становится очевидным и в обратном направлении. Действительно, архитектор, который считает себя убежденным в истинности архитектурных правил, или даже действительно убежден, получает большее удовольствие от здания, когда замечает его соответствие этим правилам, чем тот, кто осознает это, но не понимает истинность правил и просто запомнил их, чтобы знать, что они должны соблюдаться архитекторами, однако не уверен, что это действительно обязательно. Это большее удовольствие возникает из того, что мнение одного человека о завершении здания кажется более достоверным, или, по крайней мере, так воспринимается, чем мнение другого. Также важно, что если мнения обоих окажутся ошибочными, первый получит гораздо большее удовольствие, а второй – меньшее, в зависимости от того, насколько один человек более убежден в истинности своего мнения, чем другой. Особенно это актуально в тех случаях, когда вы хотите подтвердить истинность данной пропозиции в обратном направлении. Исследование здесь заключается в том, чтобы произвести ясность в восприятии, как если бы мы смотрели на какой-либо объект, освещенный более ярким светом. Действительно, лучше видно и распознаётся то, что выглядит более ясным, чем то, что кажется более тёмным. Отсюда и в случае большей определённости восприятие более признано, чем в случае меньшей, следовательно, в первом случае ты более осознаешь восприятие, чем во втором.

§518. Определение скуки.

Скука – это интуитивное восприятие или понимание несовершенства чего-либо, будь то истинного или ложного.

В данном контексте скука рассматривается как противоположность удовольствию, так как не существует слова, которое бы в силу своей этимологии противопоставляло удовольствие, как, например, в разговорном языке, где слова Lust и Unlust выступают в противостоянии. Поскольку скука должна противопоставляться удовольствию, её определение можно легко вывести из определения удовольствия. Несовершенство противопоставляется совершенству. Таким образом, если удовольствие возникает из совершенства, то и скука, как противоположность удовольствию, должна возникать из несовершенства. Как в случае с происхождением удовольствия не учитывается истинность суждения, так и в случае с происхождением скуки это не рассматривается. Достаточно лишь осознавать, что по твоему мнению скука относится к какому-то роду.

§. 519. Понятие скуки, основанное на опыте.

Понятие скуки, о котором мы говорим, связано с нашим опытом. Представим себе человека, который наслаждается изображениями и придает им ценность. Он видит картину, которая совершенно не похожа на его любимый образец и написана очень грубо. Если он сосредоточит свое внимание на различиях, он перестанет получать удовольствие, которое мог бы испытать, увидев изображение, похожее на его любимое. Его зрение, как будто оскорбленное, отворачивается, и он не позволяет другим уговаривать его снова взглянуть на это изображение. Скука не всегда воспринимается так же явно, как удовольствие, потому что, стремясь избежать скуки, мы не так внимательно обращаем внимание на недостатки, как на достоинства, к которым привыкли стремиться, когда удовольствие побуждает нас продолжать, в то время как скука мешает нам это делать. Поэтому я привожу пример человека, который наслаждается изображениями и ценит их, чтобы никто, кто сталкивается с противоположным опытом, не подумал, что скука легка и едва ощутима, не отвлекаясь. Это также подтверждает пример архитектора, который, испытывая удовольствие, не позволяет себе отвлечься от созерцания прекрасно построенного здания никакими доводами, кроме случаев необходимости, когда необходимо подчиниться. Действительно, когда к зданию добавляется то, что продается как работа мастера, архитектор сосредотачивает своё внимание на том, откуда оценивается исполнение. Как только он замечает, что это противоречит архитектурным нормам, охваченный скукой, он отворачивает глаза, и никакие мольбы не способны заставить его снова сосредоточиться на созерцании. Причина этого в том, что ему трудно, почти невозможно, заставить глаза вновь обратить на него внимание. Когда мы испытываем удовольствие от чего-либо, мы осознаём, что совершенство этого отсутствует (§.511.286), и одновременно осознаём своё собственное совершенство, поскольку, очевидно, интеллект указывает на исполнение, судя о выполнении другой вещи. Таким образом, Декарт, определяя удовольствие, учитывал лишь совершенство того, кто его испытывает, или субъективное совершенство. Архитектор, оценивая исполнение здания, осознаёт свои знания в области архитектуры, которые у него есть, и без которых он не мог бы осознать совершенство здания, которое созерцает. На самом деле, когда мы признаём несовершенство вещи, это так далеко от того, чтобы осознавать какое-то наше несовершенство, что скорее наш интеллект извлекает из этого совершенство, которое мы можем признать. Таким образом, в первом случае удовольствие возникает от воспринимаемого объекта, который мы ощущаем через наши чувства; во втором случае скука, возникающая от этого объекта, подавляется удовольствием, получаемым от наших ощущений. В результате возникает своего рода конфликт между скукой и удовольствием, и это воспринимается как то, что одно из этих состояний превосходит другое. Поэтому важно внимательно наблюдать, когда вы хотите распознать скуку, вызванную недостатком воспринимаемого объекта; в первую очередь стоит сосредоточить внимание на тех случаях, когда мы осознаем только свои собственные недостатки. Никто не может не заметить, что поспешность в суждении и недостаток внимания относятся к числу недостатков ума, так же как умение делать выводы заключается в том, чтобы не выносить суждений, если вещам не уделено достаточное внимание и они недостаточно изучены. Давайте предпо-

ложим, что мы совершаем ошибку из-за поспешности в суждении или недостатка внимания, а затем осознаем, что совершили ошибку и почему это произошло. Каждый может почувствовать скуку, и он будет осознавать, что его мучает скука именно из-за того, что он не избежал поспешности в суждении или позволил себе недостаток внимания. Таким образом, мы испытываем скуку, потому что осознаем некоторые наши недостатки. Мы можем ошибочно считать, что у нас есть ошибка, которой на самом деле нет, и приписывать это либо спешке в суждении, либо недостатку внимания. Мы заметили бы скуку у себя не меньше, чем в тех случаях, когда действительно совершаем ошибку из-за спешки или недостатка внимания. В такие моменты нам кажется, что мы судим слишком поспешно; нам кажется, что наше внимание просто ослабло, и мы осознаем себя лишь как обладающих неким видимым несовершенством (§. 510). Это также говорит о том, что мы испытываем скуку из-за этого видимого несовершенства, что затрудняет различие между истинным и ложным суждением. Мы считаем, что концепция скуки, которую мы разработали (§. 518), соответствует нашему опыту. Поскольку скука в конечном итоге приводит к отвращению, важно четко понимать, что такое скука. Мы представим убедительные примеры в моральной философии, где извлечем все нормы поведения из природы человеческого разума и подтвердим это через согласующийся опыт. Кроме того, то, что мы отметили о удовольствии (замечание §. 512), также применимо к скуке, а именно, что достаточно воспринимать некое несовершенство, будь то истинное или хотя бы видимое, но не обязательно, чтобы кто-то судил в общем, что объект, который он воспринимает, является несовершенным.

§. 520. Постоянство скуки.

Если неполнота действительно существует, и тот, кто это осознаёт, способен показать, что это нечто неполное, то скука становится постоянным состоянием. Она возникает каждый раз, когда человек осознаёт это. Если неполнота подлинна, её можно продемонстрировать через недостаток в восприятии (§. 510), и тот, кто осведомлён об этом, может представить такую демонстрацию через гипотезу. Следовательно, он уверен, что это связано с неполнотой воспринятой вещи (§. 568 Log.), и не стоит опасаться изменения его мнения. Таким образом, он всегда считает, что это связано с неполнотой, когда направляет своё внимание на это, каждый раз, когда воспринимает свою вещь, и помнит о первоначальном суждении и уверенности восприятия (§. 1 17.213); скука также возникает каждый раз, когда кто-то осознаёт, что это связано с неполнотой воспринятой вещи, и, следовательно, скука сама по себе является постоянным состоянием. Иным способом это также демонстрируется. Тот, кто через доказательства осознал, что нечто связано с несовершенством вещи, будет всегда судить о ней с точки зрения истины (S. 990 Log.), когда у него будет возможность об этом подумать. Таким образом, в каждом случае, когда он выносит суждение, он осознает это как относящееся к несовершенству чего-либо, и в каждом случае проявляется та же причина скуки (S. 518). Поскольку необходимо, чтобы скука присутствовала в каждом случае (S. 189 Ontol.), она должна возникать постоянно, когда он понимает, что это связано с несовершенством вещи. Это также подтверждается на практике. Поспешность в суждении и недостаток должного внимания являются несовершенством человеческого разума, что никто не осмеливается ставить под сомнение, и из общего понятия несовершенства (§. 564 Ontol.) это легко доказать. Действительно, как только человек осознает, что он судил поспешно или что упустил должное внимание, возникает скука, и обратное никогда не произойдет, если только кто-то не поймет, насколько велико это несовершенство человеческой природы. Важно понимать, когда скука становится постоянной, поскольку в моральных вопросах от этого зависит постоянство намерения не совершать зло и, следовательно, постоянная ненависть к злу: как это станет очевидно в свое время.

§. 521. Уровень недовольства.

Чем больше недоработка, о которой ты знаешь, или даже если она просто кажется значительной, тем сильнее будет недовольство, которое из этого возникает. Рассмотрим для при-

мера, что недоработка В в два раза больше другой недоработки А; в этом случае, недовольство D, возникающее из В, будет в два раза больше недовольства С, возникающего из А. Поскольку недовольство С возникает из недоработки А, мы можем сказать, что оно определяется этой недоработкой (§. 113 Онтология); если мы снова рассмотрим недоработку А, то недовольство С также возникнет (§. 189 Онтология), и таким образом, если недоработка А будет учтена дважды, то недовольство С также будет учтено дважды. Действительно, недоработка В в два раза больше недоработки А, следовательно, В – это как бы дважды А (.379 Онтология). Таким образом, из В должно возникнуть недовольство дважды С, и, следовательно, недовольство D будет в два раза больше недовольства С, возникающего из А. Поскольку то же самое можно показать в любом другом аспекте недоработок; очевидно, что чем больше недоработка, тем больше воспринимаемое недовольство.

Недовольство возникает, поскольку ты осознаешь недоработку, и, следовательно, независимо от того, является ли твое суждение истинным или ложным, важно лишь то, что оно кажется таким, каким есть (§. 518); также будет больше недовольства, возникающего из недоработки, если эта недоработка лишь кажется более значительной. Это подтверждается на практике (*a posteriori*). Рассмотрим две картинки, которые отличаются от своего оригинала, и которые предлагает опытный художник. Первая из них, которую мы видим, имеет меньшую степень различия, чем вторая, которая демонстрируется в более заметном месте. Неужели, глядя на первую, она не воскликнет: «Уберите эту картину! Мне неинтересно с ней работать!»? А если появится вторая, не закроет ли она глаза и не закричит ли с раздражением: «Убирайся! Убирайся от меня с этой картиной!»? Утомляет ли глаз этот вид? Из этого становится очевидно, что большая не совершенность вызывает большее отвращение, чем меньшая, так как большая различимость картины, безусловно, является более серьезной не совершенностью, чем меньшая. Также предположим, что поспешность – это ошибка в суждении. Чем больше мы считаем поспешность, тем легче, как правило, ее избежать. Когда ты решишь, что эту поспешность можно было бы легко избежать, ты почувствуешь большее отвращение, чем в случае, когда ты твердо убежден, что ее не так просто избежать, а, возможно, даже почти невозможно. Следовательно, поскольку большая не совершенность является большей поспешностью в суждении, чем меньшая; в данном случае большее отвращение возникает из-за большей не совершенности, поскольку ты более осведомлен о ней. Если кто-то показывает тебе, что в первую очередь в суде, где ты знаешь, что виновен, избежать этого не так просто, как кажется; как только это больше не выглядит так, как раньше, ты также заметишь, что скука уменьшается. Это подтверждается тем, что большая скука возникает даже из того, что неосуществимость, о которой ты осведомлен, кажется более значительной. Таким образом, истинность данного утверждения подтверждается с течением времени.

Тот, кто заботится о своем внутреннем состоянии и хочет получить четкое и абсолютно неоспоримое знание о том, что учат о стремлении, должен обращать внимание на действия людей. Когда он сделает наши теоремы знакомыми, он легко заметит, вооруженный этими «очками», что иначе ускользает от его внимания. Эти доктрины действительно заслуживают того, чтобы быть понятыми с ясностью ума, поскольку они обещают значительную пользу в области моральной философии.

§. 522. Дополнительные степени скуки.

Чем увереннее мы себя чувствуем или нам кажется, что мы чувствуем, в своих суждениях о несовершенстве, тем большее чувство скуки мы испытываем. Тоска возникает из-за нашего интуитивного понимания несовершенства – реального или кажущегося – точно так же, как удовольствие возникает из-за нашего интуитивного понимания совершенства. Таким образом, определения отличаются только тем, что одно рассматривает совершенство в рамках несовершенства. Это означает, что суждения, основанные на качестве, должны оставаться неизменными в обоих сценариях. Следовательно, более высокая степень уверенности в совершенстве

чего-либо приводит к большему удовольствию. Аналогично, повышенное чувство скуки или утомительности должно возникать из-за большей уверенности в несовершенстве чего-то, что вы осознаете или считаете, что осознаете.

У нас есть фундаментальное понимание удовольствия и скуки, связанное с понятиями совершенства и несовершенства, которые мы осознаем, а также наша уверенность в оценке этих качеств. Если выразить эти идеи математически, то получится следующее: 1. Удовольствие возникает благодаря различным совершенствам, которые мы осознаем, и уверенности, с которой мы их оцениваем; 2. Скука возникает благодаря несовершенствам, которые мы осознаем, и уверенности, с которой мы их оцениваем. Отсюда следует, что если совершенство или несовершенство остаются неизменными, то удовольствие или скука пропорциональны нашей уверенности в оценке этого качества. Кроме того, если наша уверенность в оценке совершенства или несовершенства постоянна, то наши чувства удовольствия или скуки соответствуют уровню совершенства или несовершенства, который мы признаем. Эти идеи являются частью психометрии – области, которая стремится создать математическую основу для понимания человеческого познания и остается востребованной по сей день. Очень важно научиться определять количественные параметры совершенства и несовершенства, а также уверенность наших суждений, чтобы установить надежные меры для этих понятий; в конце концов, эти теории будут полезны только после того, как мы определим обе меры. Эти теоремы приводятся с целью показать, что существует математическое познание человеческого разума, что делает психометрию возможной. Также становится очевидным, что душа подчиняется математическим законам в отношении количеств, следуя математическим истинам, то есть арифметическим и геометрическим, с элементами случайности, как в человеческом разуме, так и в материальном мире.

§. 523. Разница между простым и смешанным удовольствием и скукой.

Простое удовольствие возникает, когда ты осознаешь только одно наслаждение. В то время как смешанное удовольствие появляется, когда ты осознаешь несколько наслаждений одновременно. То же самое касается и скуки: простая скука возникает из осознания лишь одной неудовлетворенности, тогда как смешанная скука – из осознания нескольких неудовлетворенностей.

В моральной сфере крайне важно четко понимать источники удовольствия и скуки, чтобы выявить предвзятости, враждебные добродетели и поддерживающие пороки. Поэтому полезно различать простое удовольствие и смешанное, а также простую скуку и смешанную, чтобы с помощью этих определений избежать путаницы между разными причинами удовольствия и скуки и не допустить ошибок в их интерпретации.

§. 524. Смешанное удовольствие.

Когда ты одновременно испытываешь несколько удовольствий, возникает смешанное удовольствие, которое кажется единым. Если ты воспринимаешь несколько удовольствий одновременно, ты не различаешь их между собой (§. 39), и поэтому осознаешь их не как множество, а как одно целое. Поскольку удовольствие в интуитивном восприятии этих наслаждений полностью сосредоточено (§. 511), каждое отдельное удовольствие возникает из своих источников, но те, которые объединяются, формируют смешанное удовольствие (§. 523), которое выглядит как одно или простое (§. cit.).

Таким образом, становится понятно, почему мы называем его смешанным удовольствием, которое возникает при одновременном восприятии нескольких удовольствий. Как смешанное вещество образуется из соединения нескольких компонентов, так что невидимые частицы объединяются и формируют одну массу, так и смешанное удовольствие возникает из сочетания различных радостей, чтобы создать одно общее наслаждение.

Таким образом, смешиваемые вещества распадаются на частицы, которые, соединяясь друг с другом, образуют мельчайшие тела смеси. В результате их объединения формируется

целое тело смеси. Так и простые удовольствия, существующие во времени, можно считать состоящими из последовательных частей, которые определяются временными промежутками, в течение которых они продолжаются. Мимолетные удовольствия представляют собой то, что соответствует мельчайшим частицам в материальной смеси. При постоянном взаимном следовании таких мимолетных удовольствий в конечном итоге возникает нечто вроде последовательного смешанного удовольствия, которое воспринимается на протяжении всего времени его существования. Таким образом, в этом наименовании содержится истина (§. 252.253 Cofmol.), и понятие смешанного удовольствия можно объяснить не только через понятие материальной смеси, но также существует общее понятие, применимое к обоим смесям, которое легко абстрагировать. Однако это общее понятие не теряет своей полезности. Из него видно, что можно представить себе смешанные понятия и восприятия как нечто вроде смеси. Это должно быть связано с принципами эвристики и психологии, и в значительной степени помогает лучше понять внутренний мир человека и его прагматический аспект, что имеет исключительно важное значение в моральной философии.

§. 525. Смесь скуки.

Когда мы одновременно воспринимаем несколько несовершенств, возникает смешанная скука, которая воспринимается как единое целое. Это утверждение подтверждается так же, как мы опровергли истинность предыдущего.

Из текущего и предыдущего утверждений становится понятно, что нужно быть осторожным, если вы хотите подтвердить, что касается величины удовольствия (§. 516. 517) и скуки, о которой мы говорили ранее (§. 521. 522).

§. 526. Сосуществование скуки и удовольствия.

Если какое-либо несовершенство и совершенство воспринимаются одновременно и ясно, то скука и удовольствие также воспринимаются одновременно. Если мы ясно видим несовершенство, то возникает скука (S. 518); если же мы ясно воспринимаем совершенство, то возникает удовольствие (S. 511). Поскольку нет противоречия в том, чтобы одновременно воспринимать два разных состояния – одно с несовершенством, а другое с совершенством (§. 30 Онтология); следовательно, это возможно (§. 79 Онтология). Таким образом, может случиться так, что вы одновременно осознаете какое-либо несовершенство и какое-либо совершенство, даже если не различаете их между собой, и поэтому восприятие может быть одновременным (§39). Таким образом, если вам удастся одновременно ясно воспринять какое-либо несовершенство и совершенство, скука и удовольствие должны возникнуть одновременно.

Как преследование и неполнота воспринимаются одновременно, создавая определенное восприятие, так и скука с удовольствием соединяются, образуя нечто смешанное. Если случится так, что ты будешь более осознателен в отношении преследования, чем неполноты, сосредоточив внимание на первом больше, чем на втором (§. 237); в этом случае удовольствие будет преобладать над скукой, так как оно воспринимается раньше. В данном утверждении нет скрытого противоречия. Мы не предполагаем, что осознаем преследование и неполноту одновременно в одном и том же объекте; речь идет о различных объектах.

§. 527. Преобладание удовольствия над скукой и наоборот.

Поскольку более сильные восприятия затмевают более слабые, так что мы можем вообще не осознавать слабые (§. 76.99), мы, следовательно, не осознаем их вовсе (§. 25); удовольствие полностью сосредоточено на восприятии преследования какого-то объекта (§.511), в то время как скука сосредоточена на восприятии неполноты, интуитивно или сознательно (§. 518): если восприятие неполноты по своей ясности значительно превосходит восприятие преследования, то удовольствие не воспринимается в контексте скуки, и наоборот, если восприятие преследования по своей ясности значительно превосходит восприятие неполноты, то скука не воспринимается в контексте удовольствия.

Мы здесь говорим о ясном восприятии, которое связано с апперцепцией, позволяя нам осознавать то, что мы воспринимаем, и распознавать это. Это утверждение подтверждается нашим опытом. Представим, что мы смотрим на изображение, которое в значительной степени похоже на оригинал, но в некоторых аспектах отличается, и при этом мы осознаем как сходство, так и различие. Если ты больше сосредоточишь своё внимание на сходстве, чем на различии, ты будешь гораздо более осведомлён о сходстве, чем о различии (§.2 37); также ты будешь воспринимать удовольствие так, что о скуке вовсе не будешь знать. То же самое происходит и в противоположном случае.

§. 528. Затемнение удовольствия и полной скуки.

Если удовольствие значительно превышает скуку, скука не осознаётся. И наоборот, если скука значительно превышает удовольствие, удовольствие не осознаётся. Допустим, что удовольствие и скука воспринимаются одновременно: когда они могут быть разделены на части, на которые делится время их существования; частицы удовольствия и скуки могут восприниматься как частицы смешанного вещества (§. 253 Cofmol.), следовательно, всё удовольствие и вся скука в течение непрерывного времени представляют собой некое целое, состоящее из этих частиц, или как смесь (§. 252. Cofmol.). Таким образом, восприятие удовольствия и скуки можно сравнить с тем, как мы видим два смешивающихся цвета или ощущаем два смешанных аромата. Если один из цветов очень мал, то мы воспринимаем смесь как простой цвет. То же самое происходит и с ароматами: если один из них, например, аромат воды, очень слаб или незначителен, мы его просто не ощущаем. Поэтому удовольствие не будет восприниматься, если скука, с которой оно связано, значительно сильнее; и наоборот, скука не будет ощущаться, если удовольствие значительно превышает ее. Это также можно объяснить следующим образом: когда удовольствие сильно превосходит скуку, ты должен больше осознавать его, чем скуку, поскольку оно более выражено. Восприятие удовольствия связано с более сильными ощущениями, тогда как восприятие скуки – с более слабыми. Действительно, сильные ощущения затмевают слабые, и мы иногда вовсе не замечаем слабые ощущения. Таким образом, удовольствие должно затмевать скуку, чтобы мы иногда не ощущали ее вовсе. И тот же принцип работает, если скука превышает удовольствие: в этом случае мы также можем не воспринимать скуку, как будто ее вообще нет. То же самое подтверждается и на практике. Если мы ощущаем некоторую боль, то это чувство как бы гасится под воздействием сильнейшего удовольствия, которое полностью поглощает наше внимание, сосредоточенное на исследовании определенной вещи, подобно истине, которую мы извлекаем в процессе размышления и в которой надолго задерживаемся. Первые типы доказательств не вызовут недовольства у тех, кто знаком с математикой, особенно если они оценили решения физических и механических задач: они ведь понимают, что в количественных измерениях допускаются определенные условности. Поэтому, когда речь идет о количестве удовольствия и скуки, тем же условностям будет нетрудно найти свое место. Также стоит обратить внимание на способ восприятия, который можно сравнить со смешанными злокачественными существами, упомянутыми чуть выше (замечание §. 524): ведь всякая ярость мгновенно исчезает при возникновении трудностей. Если же кто-то еще не подготовил свой ум к тому, чтобы принимать условности в доказательствах, он сравнит удовольствие и скуку с ощущениями, как мы это сделали в другом доказательстве. Те, кто проницателен, без моего напоминания заметят, что затмение более слабого восприятия можно доказать тем же способом, что и в случае с ощущениями, которые мы принимаем на практике (§. 75), тем же образом, которым мы продемонстрировали текущее утверждение, сводя одновременное восприятие скуки и удовольствия к смешанному состоянию.

§. 529. Преобладание удовольствия и скуки.

Удовольствие считается преобладающим, если оно настолько сильно, что скука, даже если она и есть, не ощущается. И наоборот, скука считается преобладающей, если удовольствие, даже если оно присутствует, не воспринимается. Таким образом, преобладание удоволь-

ствия заключается в полном подавлении скуки, а преобладание скуки – в полном подавлении удовольствия.

Существует возможность того, что и удовольствие, и скука могут одновременно преобладать, как было упомянуто ранее.

§. 530. Почему не все испытывают одно и то же удовольствие от одной и той же вещи.

Если кто-то глубже воспринимает какое-то переживание или считает, что понимает его, почему другой этого не замечает? Первый погружается в высшее удовольствие, в то время как второй не ощущает ничего. Поскольку первый воспринимает переживание более глубоко или считает, что понимает его, у него возникает удовольствие, пропорциональное величине признанного переживания (§. 516) и степени уверенности или убежденности (§. 517). Поэтому может случиться, что он испытывает сильное удовольствие, если точно понимает какое-то переживание или считает, что понимает. В то же время, поскольку второй не признает никакого переживания, он также не испытывает никакого удовольствия (§511). Так может произойти, что один человек испытывает сильное удовольствие, в то время как другой не ощущает даже малейшего удовольствия от той же вещи. Это также подтверждается на практике. Если здание было построено в соответствии с архитектурными правилами так, что в нем нет ничего, что нельзя объяснить этими правилами, то опытный архитектор, наблюдая его, испытывает глубокое удовлетворение, в то время как человек, не знакомый с архитектурой, ничего не чувствует. Опытный архитектор осознает, что здание соответствует архитектурным нормам, и, следовательно, считает его законченным, уверенно полагая, что эти правила верны, не имея никаких сомнений в своем суждении. Напротив, незнающий архитектуры не понимает этих правил и, следовательно, не может осознать завершенность здания. Таким образом, мы видим две категории людей: одна из которых глубже понимает завершенность, а другая – нет. Первая испытывает высшую радость, в то время как вторая не ощущает ничего. Истина, таким образом, соответствует нашему опыту. Если ты согласишься на другие примеры и внимательно их изучишь с той же проницательностью, ты подтвердишь ту же истину тем же образом. Не будем спешить, ведь архитектор, наблюдая за процессом строительства, одновременно осознает, как работает архитектор, по проекту которого было возведено здание. Более того, он также понимает собственный процесс, когда замечает, что способен выявить скрытые аспекты строительства и оценить их в открытом виде. Для подтверждения данного утверждения достаточно примера простого процесса, особенно если он не противоречит тому, что простой процесс может оказаться более сложным. Более того, действительно простой процесс может быть сложнее, и это не означает, что простой процесс превосходит смешанный.

§. 531. Почему искусные мастера получают удовольствие от произведений искусства.

Искусные мастера способны глубже воспринимать процесс работы и измерять его, в то время как неопытные не имеют об этом никакого представления. Искусные мастера получают огромное удовольствие от произведений опытного мастера, даже если неопытные не ощущают от этого ничего (§.530).

Истина этого вывода становится очевидной сразу же благодаря предыдущему утверждению, поскольку оно, как вид в своем роде, содержится в одном и том же. Поэтому мы также выбрали пример, который является специальным случаем этого вывода, чтобы подтвердить его задним числом.

§. 532. Удовольствие от познания и открытия истины.

Из ясного понимания вещей, особенно из открытия истины, возникает безграничное удовольствие. Тот, кто четко различает вещи, способен понять, в чем заключается разница между четкими и смешанными понятиями, определенными и неопределенными суждениями, а также различными и смешанными рассуждениями (§. 325.275). Следовательно, он осознает свой собственный процесс понимания и считает его достаточным для четкого познания вещей, в то

время как многие другие не могут достичь такого уровня понимания. Поэтому из ясного познания вещей он получает удовольствие (§. 511).

Каждый, кто способен самостоятельно находить истину, на собственном опыте понимает, что для открытия неизвестной истины требуется больше усилий разума, чем для понимания той, что была открыта другими. Поэтому, осознавая истину, найденную им самим, он внимательно следит за своим процессом понимания. Таким образом, открытие истины приносит ему удовольствие (§. 511), и это удовольствие является безграничным (§. 516.517). Это утверждение подтверждается на практике. Нельзя ссылаться на личный опыт; однако и другие выдающиеся личности говорят о том же: они никогда не испытывали большего удовольствия, чем от познания и, особенно, от открытия истины. Примером служит работа Тсбирнбауфена «Медицина разума», часть 1, стр. 13. В первую очередь следует упомянуть Иеронима Кардана, который высоко ценил удовольствие, получаемое от познания истины, и предпочитал его всем остальным удовольствиям. Он даже под присягой подтвердил, что, находясь на пороге смерти, не хочет менять остаток своей жизни на жизнь юноши, который, хотя и живет в изобилии, но не образован. Известно, что Кардан не ограничивался лишь простым знанием фактов, но также стремился понять их причины, хотя ему не всегда удавалось быть настолько счастливым, чтобы столкнуться с истиной. Существует множество примеров, которые можно привести о удовольствии, получаемом от познания истины. Действительно, когда мы обсуждали этот вопрос в «Часах подчиненных» в 1729 году, в Триместре, номер, и особенно в Триместре, номер I, откуда возникает удовольствие, связанное с познанием истины; нет необходимости углубляться в детали.

§. 533 Безразличие к удовольствию или скуке.

Если человек не знает, относится ли то, что он воспринимает в каком-то предмете или в себе, к удовольствиям или к недостаткам, он не испытывает ни удовольствия, ни скуки. Поскольку он не понимает, следует ли то, что он воспринимает, считать недостатком, он не осознает ни одного недостатка. Поэтому, поскольку удовольствие возникает только тогда, когда ты осознаешь какое-либо удовольствие (§. 511), ты не можешь испытать никакого удовольствия от этого. Поскольку ты не знаешь, относится ли то, что ты воспринимаешь в себе или в другом предмете, к недостаткам, ты также не видишь никаких недостатков, чтобы осознать их как таковые. Таким образом, поскольку скука не возникает без осознания недостатка (§. 518), ты также не можешь испытать скуку от этого. Пока ты не знаешь, относится ли то, что ты воспринимаешь в предмете или в себе, к удовольствиям или недостаткам, ты не испытываешь ни удовольствия, ни скуки от этого. Это подтверждается и задним числом. Если кто-то не разбирается в архитектуре, он не знает, следует ли считать украшение здания совершенством или его недостатком. Если, не поддаваясь предвзятости и не находясь в необходимости делать выбор, он решает приостановить своё суждение, он не испытывает ни скуки, ни удовольствия от этого. Но если кто-то, кому это нравится, встречает других, кому это не нравится, ему всё равно: пусть остальные с большим эмоциональным напряжением обсуждают, следует ли хвалить или осуждать украшение, основываясь на разных уровнях удовольствия и скуки. Это состояние безразличия заслуживает внимания, так как имеет большое значение в моральной философии. Кроме того, оно касается только конкретного объекта в данный момент: может случиться так, что в одно и то же время в нашем сознании появляются другие объекты, которые вызывают либо удовольствие, либо скуку.

§. 534. Изменение удовольствия и скуки.

Если кто-то не может показать, что относится к числу завершенных или незавершенных действий, в этом случае он не заслуживает внимания; его удовольствие или скука могут измениться. Изменение происходит в состояние безразличия, когда человек осознает свое неведение: оно может измениться на противоположное, когда первоначальное суждение меняется на противоположное. Если кто-то не может продемонстрировать, что относится к числу завер-

шений или незавершенный, он не уверен, истинно ли его суждение или ложно (§. 570 Log.), и ему кажется, что он уверен. Поскольку возможно, что он осознает свое неведение, его суждение в будущем либо приостановится, либо примет противоположное. Если он приостановит свое суждение, то признает, что не знает, должно ли оно относиться к числу незавершенных или завершенных действий, как это было раньше. Таким образом, он не испытывает ни удовольствия, ни скуки, даже если раньше он чувствовал либо одно, либо другое (§. 533). Если суд изменится и ранее оценивал число перфекций, то теперь он отнесет это к числу неперфекций. Таким образом, когда в предыдущем случае речь шла о удовольствии (§.511), теперь он будет испытывать скуку (§.518). Если раньше он судил о числе неперфекций, то теперь это будет относиться к числу перфекций. Поэтому, когда в предыдущем случае он испытывал скуку (§. 518), сейчас он будет получать удовольствие (§. 511). Может случиться так, что удовольствие, которое раньше воспринималось от какого-то объекта, больше не ощущается от него, или же на его место приходит скука, когда невозможно показать, что есть в категории перфекций, которую ты относишь к тому же числу, что и продемонстрированное удовольствие в этом случае может измениться (§. 290 Онтология). Таким же образом видно, что скука также может измениться, если ты не сможешь продемонстрировать, что есть в категории неперфекций, которую ты относишь к тому же числу. Действительно, когда душа испытывает скуку, которая раньше была заполнена наслаждением, это связано с тем, что мы начинаем говорить о количестве несовершенств, которые мы раньше считали совершенствами. И наоборот, душа снова наполняется наслаждением, когда раньше она страдала от скуки, и это происходит в контексте количества совершенств, которые мы ранее считали несовершенствами. В обоих случаях суждение о совершенстве или несовершенстве вещи может меняться на противоположное. Также скука становится противоположной наслаждению. Наслаждение или скука могут меняться на противоположное, когда суждение о совершенстве или несовершенстве изменяется. Когда ни наслаждение, ни скука больше не занимают наше внимание, и мы осознаем свое неведение относительно совершенства или несовершенства вещи, это приводит к изменению состояния наслаждения или скуки на состояние безразличия. Это происходит, когда мы осознаем свое неведение и собираемся судить о совершенстве или несовершенстве вещи, когда раньше мы определялись к одному из двух по поспешности. Этот принцип очень важен в моральной практике, так как он помогает нам взять под контроль те вещи, которые не находятся в нашей власти.

§. 535. Каково состояние скуки.

Скука не просто возникает из утраты удовольствия; она представляет собой нечто положительное. Каково это состояние? Скука появляется из интуитивного восприятия некоторой неполноты (§518), и поэтому не существует лишь отсутствие интуитивного восприятия полноты. Таким образом, когда мы лишены удовольствия, и отсутствует интуитивное восприятие полноты (§.511), скука не сводится лишь к утрате удовольствия. Это, следовательно, нечто положительное.

Очевидно, что те, кто испытывает лишь утрату, осознают только недостаток: в то время как те, кто имеет положительное состояние, представляют что-то положительное (§. 118 Онтология). Поэтому между удовольствием и скукой существует некий промежуточный статус, в котором нет места ни тому, ни другому (§. 533), поскольку между положительным и отрицательным не может быть промежуточного состояния, как между светом и тьмой, между знанием и незнанием. Отсюда следует, что данное утверждение могло бы быть продемонстрировано на основе принципа промежуточного состояния между удовольствием и скукой. Это утверждение также имеет свое применение в моральной практике и не должно считаться бесполезным, поскольку оно состоит из онтологических терминов, из-за общего предвзятости о бесплодии Онтологии.

§. 536. Какие ощущения связаны с удовольствием и скукой. Удовольствие и скука возникают из восприятия общего ощущения и его недостатков. Они появляются сразу, как только мы воспринимаем что-то или нечто недостающее в объекте восприятия: это то, что каждый из нас ощущает в себе. На самом деле, когда требуется интуитивное понимание, как для удовольствия (§.511), так и для скуки (§.518), скука проявляется, когда мы последовательно направляем внимание на то, что содержит идеи о предмете (§.682 Лог.); скука и удовольствие не предполагают четкого восприятия совершенства и недостатков. Это также подтверждается на практике. Все люди испытывают удовольствие и страдают от скуки. Однако у большинства людей восприятия являются лишь общими, а только у немногих – четкими. Следовательно, необходимо, чтобы удовольствие и скука возникали из общего восприятия, а не из четкого. Более того, даже те, кто способны четко воспринимать вещи, воспринимают совершенство или недостатки лишь в общем, когда их ум испытывает удовольствие или страдает от скуки; в особых случаях это становится совершенно очевидным. Несомненно, когда я открываю какую-то истину, которую нам было сложно понять, мы в конечном итоге с большим усердием и трудом проникаем в нее глубже: как только мы осознаем, что способны понять ее и уловить суть доказательства, мы испытываем настоящее удовольствие. Это удовольствие возникает от осознания того, что мы способны постичь что-то важное, что позволяет нам углубиться в сложные истины. Когда мы задаем вопрос, почему мы испытываем это удовольствие, ответ прост: мы с большим усердием и трудом пришли к пониманию истины, которая была трудна для восприятия, и теперь осознаем, что способны понять то, что не так легко дается. Мы также одновременно задумываемся о процессе изобретателя, размышляя о том, как он пришел к своему вопросу, исходя из предпосылок. Когда мы задаемся вопросом, почему это приносит нам удовольствие, мы понимаем, что изобретатель успешно вывел свой вопрос из исходных данных, и осознаем, каким образом он пришел к этому. На самом деле, ни наше понимание, ни понимание изобретателя не представляются нам четко, когда мы испытываем это удовольствие; оба аспекта скрыты в одной идее, которую мы воспринимаем; однако, когда мы фокусируемся на этом, мы в конечном итоге начинаем различать их. Это становится еще более очевидным на примере архитектора, который уже был упомянут в нашем обсуждении. Когда мы четко рассматриваем здание, согласие с тем, что мы в нем наблюдаем, воспринимается только в соответствии с архитектурными правилами, которые представляются в нашем воображении (§. 117) и запоминаются нашей памятью (§. 175). Действительно, процесс наблюдения связан с воображением и памятью, но в той мере, в какой они объединяются, создавая общее восприятие для нашего зрения. Каждый из нас сразу понимает, что согласие с правилами можно воспринимать только тем, кто осведомлен о количестве этих правил и временных рамках, в которых происходит вся наблюдаемая деятельность. Он видит, что невозможно, чтобы через четкие рассуждения правила применялись к тому, что мы наблюдаем, или чтобы определения, абстрагированные от здания, оценивались по правилам, которые предписываются. Поскольку очевидно, что восприятие удовольствия, в котором заключается наслаждение, является синонимом, не нужно приводить примеры, чтобы подтвердить, что восприятие неудовлетворенности, в котором заключается скука, также является синонимом. Нет никаких оснований даже слегка сомневаться в том, что восприятие неудовлетворенности должно отличаться от восприятия удовольствия, поскольку в первом случае мы имеем скуку, а во втором – удовольствие. Если кому-то будет интересно привести особые примеры, подтверждающие то же самое о скуке, что и о удовольствии, пусть он подумает об архитекторе, который, наблюдая за зданием, испытывает скуку, когда рассматривает разрушение этого здания с точки зрения архитектурных правил. Таким образом, к случаю разрушения не будут применены никакие методы, которые мы обсуждали в случае согласия. Поскольку интуитивное понимание удовольствия и неудовлетворенности полностью основывается на идеях, в которых заключены удовольствие и скука, большинство людей даже не осознает, что они не воспринимают удовольствие или скуку, если

только не осознают, что связано с восприятием удовольствия или неудовлетворенности, будь то истинным или кажущимся. Так, в общем, отсутствует принцип, на основе которого можно рассуждать о удовольствии и скуке. Однако это станет очевидным в дальнейшем, особенно в моральной философии, где концепция Декарта проявляет свою плодovitость в рамках, которые мы определили. Хотя Декарт не говорил о скуке, тем не менее, понятие удовольствия, изменив соответствующим образом, можно распространить на скуку.

§. 537. Явное удовольствие и истинная путаница. Явное удовольствие смешивается с истинным, потому что оно основывается на восприятии смешанной перфекции. Поскольку смешанная перфекция воспринимается через гипотезу, может случиться так, что перфекция будет казаться реальной, хотя на самом деле её не существует, что полностью отсутствует в числовом выражении. Таким образом, когда явное удовольствие возникает из видимой перфекции, а истинное удовольствие – из реальной перфекции (§. 514); истинное удовольствие смешивается с явным, так как оно основывается на восприятии смешанной перфекции. Это утверждение имеет большое значение, особенно в моральных науках, где скрывается источник зла.

§. 538. Как это избежать.

Если кто-то изучает четкое представление о совершенстве, о котором он знает или которое, кажется, у него есть, он способен отличить истинное удовольствие от мнимого, или, по крайней мере, не доверяет мнимому. Дело в том, что если он ищет четкое представление о совершенстве, о котором ему известно, он различает истинное совершенство и мнимое, или, по крайней мере, осознает, что не знает, следует ли отнести то, о чем он знает, к категории совершенств или несовершенств. Таким образом, в первом случае он отличает истинное удовольствие от мнимого; во втором он признает, что не знает, является ли это истинным или мнимым (§. 514), и, следовательно, во втором случае он опасается, что это всего лишь мнимое, чего не существует, и поэтому не доверяет этому.

Из этого следует большая полезность четкого знания о совершенствах, как тех, что присущи вещам, так и тех, которые возникают в нашем сознании.

§. 539. Определение боли.

Боль – это разрыв непрерывности в теле, который может возникнуть либо в результате действия, либо из-за чрезмерного натяжения. Опасность заключается в разрыве волокон. Мы определяем боль как явление, которое проявляется в теле, когда это слово понимается именно так. Как же боль воспринимается в сознании, мы объясним в рамках рациональной психологии.

§. 540. Значение слова «боль» в контексте его употребления.

Значение, которое мы придаем слову «боль», соответствует его обычному употреблению. Мы ощущаем боль, когда получаем рану, например, если повреждаем палец. Рана, в которой мы чувствуем боль, возникает из-за разрыва непрерывности в коже и мышечных волокнах. Таким образом, в том месте, где ощущается боль, нет ничего, кроме разрыва непрерывности. Поэтому, когда речь идет о боли, возникающей из-за повреждения пальца или другой части тела, мы понимаем это как разрыв непрерывности. Если же боль ощущается в месте, где ни кожа, ни волокна не повреждены, микроскопические исследования показывают, что тонкие волокна разорваны, и из других наблюдений можно сделать вывод, что более крупные волокна или кожа находятся в непосредственной близости к разрыву из-за чрезмерного натяжения: ведь кожа, как и волокна, может быть натянута, и при чрезмерном натяжении она разрывается, когда может выдерживать лишь определенный уровень натяжения без повреждений.

Иногда слово «боль» воспринимается как противоположность «удовольствию», и мы предпочли обозначить это термином «тоска», чтобы избежать двусмысленности в общении. Поскольку тоска часто ассоциируется с глубокой печалью, душевная боль также может называться печалью. Однако важно различать наши переживания, которые различны, и придавать четкое и определенное значение тем словам, которые, по общему мнению, обозначают род-

ственные по смыслу вещи, чтобы понятия оставались подходящими для логического рассуждения.

§. 541. В каком роде содержится боль.

Боль является разновидностью тоски. Когда какая-либо часть тела испытывает боль, будь то кожа или разрывающиеся волокна, или, по крайней мере, находящиеся в непосредственной близости к разрыву (§.539). Если же разрываются волокна мышц или волокна других частей, такие как нервные нити или даже кожа и её покровы, то эти части становятся непригодными для своих функций и могут стремиться к разрушению себя и всего тела из-за повреждения функции, если они не восстановятся, где непрерывность нарушена. Поэтому, когда эта часть тела страдает от какого-либо недостатка (§.504 Онтология); когда разум осознает разрыв непрерывности в теле, он осознает некоторый недостаток тела. Таким образом, тоска заключается в том, что мы осознаем некоторый недостаток (§. 518); боль является разновидностью тоски.

Уже становится очевидным, почему боль и тоска, а также противоположность удовольствию, часто воспринимаются как одно и то же (примеч. §. 540). Также понятно, почему мы различаем боль и тоску, когда неуместно называть один термин другим, если говорить точно. Поэтому никто не будет осуждать, что мы используем слово «тоска» для обозначения этого понятия, так как в нашем языке не хватает подходящего слова для противоположности удовольствию (примеч. §. 518).

§. 542. Что такое удовольствие и неудовольствие.

То, что приносит нам удовольствие, называется «приятным». А то, что вызывает тоску, называется «неприятным». Таким образом, противоположность удовольствия и неудовольствие, которое мы обозначили как тоску (§. 518), также можно назвать «неудовольствием», и это название звучит более привлекательно.

Нам нравится изображение, которое похоже на его оригинал, и когда нас спрашивают, почему оно нам нравится, мы отвечаем, что это связано с его сходством. Однако именно в этом сходстве и заключается совершенство изображения, и поскольку мы осознаем его, мы получаем удовольствие от него. Поэтому изображение нам нравится, потому что оно приносит нам радость. С другой стороны, изображение, которое сильно отличается от оригинала, вызывает у нас неприязнь, и когда нас спрашивают, почему, мы отвечаем, что причина в его несходстве. В этом несходстве, в свою очередь, заключается несовершенство изображения, и поскольку мы осознаем это несходство, мы испытываем скуку от него: поэтому изображение нам не нравится, потому что оно вызывает у нас скуку.

§. 543. Определение красоты и уродства.

То, что нам нравится, называется красивым, а то, что вызывает отторжение, – уродливым. Общее значение этих слов подтверждается нашим опытом. И поскольку очевидно, что одно и то же не может нравиться всем, появилась пословица: «каждому свое красиво». Слово «красота» является обобщающим и включает в себя множество различных видов в зависимости от разнообразия вещей, которым приписывается красота. Однако нам не хватает удобного термина, чтобы обобщить понятие красоты. Поэтому мы вынуждены использовать другое слово, которое должно иметь более узкое значение. Мы часто сталкиваемся с нехваткой удобных слов в психологии, потому что различная познавательная деятельность души обычно не находится под достаточным контролем. Кроме того, эта номинальная дефиниция красоты помогает нам выяснить, на чем она основана.

§. 544. В чем заключается красота.

Красота проявляется в нашем восприятии вещей, поскольку они способны вызывать у нас удовольствие. Если вещь прекрасна, она нам нравится (§. 543), и, следовательно, вызывает в нас радость (§. 542). Таким образом, когда вещь предназначена для того, чтобы приносить нам удовольствие, она должна быть организована определённым образом (§. 511); красота

вещи не может существовать вне нашего восприятия, поскольку именно это восприятие способно вызывать в нас удовольствие.

Например, мы считаем изображение красивым из-за его сходства с оригиналом, потому что, воспринимая его, мы испытываем удовольствие, и поэтому нам нравится это изображение. Таким образом, красота изображения заключается в его сходстве с оригиналом, поскольку это сходство может вызывать в нас удовольствие. Следовательно, поскольку сходство является восприятием изображения, а в его интуитивном понимании заключено удовольствие, поскольку это восприятие (§. 511); красота изображения заключается в восприятии его, так как именно через него изображение способно приносить нам радость. Из вышеизложенного становится понятно, почему красота присваивается как материальным, так и нематериальным объектам. Также очевидно, что эта красота не лишена прочной основы, как это часто предполагается, и не зависит исключительно от произвола людей и их изменчивых мнений.

§. 545. Определение красоты.

Красота может быть определена как способность объекта вызывать у нас удовольствие или как наблюдаемое совершенство. В этой наблюдаемости и заключается эта способность. Представим, что существует некое невыразимое совершенство, которое мы не можем увидеть. Если ты не осознаёшь это совершенство, так как оно для тебя неуловимо, то ты не сможешь получить удовольствие от данного объекта (§. 511). Следовательно, этот объект не сможет тебе понравиться (§. 542), и, соответственно, ты не будешь считать его красивым (§. 543). Таким образом, в архитектуре мы определяем красоту через совершенство, насколько это ощущается.

§. 546. Различие между истинной и кажущейся красотой.

Истинная красота возникает из подлинного восприятия. В то время как кажущаяся красота – это то, что воспринимается лишь на поверхности.

Очевидно, что те, кто воспринимает истинную красоту, сами по себе красивы, так как они способны вызывать удовольствие в нас. Напротив, те, кто воспринимает только кажущуюся красоту, выглядят красивыми лишь снаружи, но на самом деле таковыми не являются: ведь они не способны сами по себе приносить удовольствие, и это удовольствие зависит от нашего ошибочного мнения о том, что содержится в предмете. Если это мнение изменится, удовольствие исчезает, и то, что ранее считалось красивым, больше не будет таковым. Таким образом, если вещь кажется красивой только на вид, она не может вызывать удовольствие в нас, так как лишена подлинного восприятия.

§. 547. В чем заключается деформация.

Деформация определяется как несовершенство объекта, которое способно вызывать у нас скуку. Если объект деформирован, он нам не нравится (см. §.543), и, следовательно, мы ощущаем скуку от этого объекта (см. §.542). Таким образом, скука возникает из того, что мы осознаем некое отсутствие совершенства в нем (§.518); объект считается деформированным, если он способен вызывать скуку в нас из-за этого отсутствия совершенства.

Таким образом, у нас есть прочная основа, на которой основывается понятие деформации, и это положительно, поскольку в самом объекте есть нечто положительное. Более того, у нас есть принцип, позволяющий доказать деформацию объектов. Также становится ясно, почему деформация может относиться не только к материальным объектам, но и к нематериальным.

§. 548. Определение деформации.

Можно сказать, что деформация – это способность вызывать у нас скуку или заметность недостатков. Эта способность заключается в том, как мы воспринимаем недостатки. Определение.

Предположим, что в объекте есть какая-то несовершенство, но мы не можем её заметить. Если ты не осознаёшь эту несовершенство, так как она для тебя незаметна, то ты не ощутишь скуку от этого объекта (§. 518), следовательно, он не будет тебе неприятен (§. 542), и,

соответственно, ты не будешь считать его деформированным (§. 543). Таким образом, для того чтобы определить деформацию, нам необходимо осознавать недостатки вещи.

§. 549. Разница между истинной и мнимой деформацией.

Истинная деформация – это та, которая возникает из настоящего несовершенства, в то время как мнимая деформация связана лишь с тем, что мы видим.

Ясно, что деформации, которые действительно являются деформациями, могут вызывать у нас скуку, так как они истинны и имеют свои особенности. В отличие от них, те, которые кажутся деформированными, на самом деле таковыми не являются; они не могут сами по себе вызвать скуку, а лишь создают её из-за нашего ошибочного восприятия того, что в вещи заложено. Если это восприятие изменится, скука исчезнет, и больше не будет смысла говорить о деформации, которая раньше считалась таковой. Таким образом, если вещь выглядит деформированной, но на самом деле не имеет истинного несовершенства, она не способна вызвать у нас скуку, поскольку это несовершенство либо замечается, либо отсутствует в нашем восприятии.

§. 550. Когда ощущение приносит удовольствие.

Если мы связываем какие-либо ощущения с достижением нашего состояния, то из них мы получаем удовольствие. Когда мы осознаем какое-то совершенство нашего состояния, это приносит нам удовольствие (§.511). Следовательно, если мы относим ощущения к достижению нашего состояния, мы воспринимаем из них удовольствие.

Это также подтверждается на практике. Младенцы, когда питаются материнским молоком, ощущают, как уходит голод, и это приносит им удовольствие, так как оба состояния приносят пользу телу. Отсюда возникает представление о совершенстве состояния, которое они связывают с сладостью молока, и поэтому привыкают ассоциировать сладкий вкус с достижением состояния. Когда дети начинают есть сладости, они получают удовольствие от осознания этого совершенства (§.511). Однако, когда это детское восприятие исчезает, удовольствие от сладостей уже не ощущается так, как это было у ребенка. Но если восприятие сладостей сохраняется, и не ослабляется другими мнениями или истинными суждениями, то взрослые также продолжают получать удовольствие от сладостей, как и младенцы и дети. Те, кто считает, что для улучшения человеческой жизни необходимо наслаждаться изысканными и роскошными блюдами, получают от этого заметное удовольствие; в то время как те, кто не придерживается этого мнения, не ощущают такого же удовольствия.

Ощущения сами по себе не приносят удовольствия, а лишь в той мере, в какой они связаны с нашим мнением о состоянии восприятия. Поэтому мы наблюдаем значительные различия в восприятии у разных людей, и никто не может судить о восприятии других. Это мнение, основанное на ощущениях, формируется постепенно: именно поэтому многие не понимают, откуда оно берется, и, поскольку идея в основном содержится в этом мнении, они даже не осознают ее, когда сами с ней сталкиваются. Я считаю, что эти вопросы станут более ясными, когда мы рассмотрим их в рамках рациональной психологии, изучающей природу человеческого разума на априорном уровне. В этих мнениях скрыто что-то истинное, даже если сами они ошибочны, и поэтому они могут вводить в заблуждение.

§. 551. Когда мы испытываем скуку

Если мы связываем определенные ощущения с несовершенством нашего состояния, то из них возникает чувство скуки. Если мы это чувствуем. Когда мы связываем ощущения с несовершенством нашего состояния, мы осознаем его присутствие. Поэтому, поскольку скука возникает в результате интуитивного восприятия несовершенства (§. 518), она проявляется. Если мы связываем ощущения с несовершенством нашего состояния, скука становится ощутимой.

Это также подтверждается опытом. Голод и жажда связаны с несовершенством нашего состояния. Когда мы испытываем оба этих чувства, мы осознаем несовершенство нашего

состояния. На самом деле, опыт показывает, что оба ощущения неприятны, и скука может возникать как от жажды, так и от голода.

Что касается предыдущего утверждения о мнении по поводу ощущений, это также следует учитывать в текущем контексте.

§. 552. Каковы удовольствия чувств.

Удовольствия чувств, или чувственные удовольствия, возникают из наших ощущений. Это значит, что удовольствия связаны с обонянием, вкусом и осязанием. Мы на практике убеждаемся, что можем получать удовольствие не только от запахов, вкусов и тактильных ощущений, но и от других видов восприятия.

§. 553. Каковы утомления чувств.

Утомления чувств, или чувственные утомления, возникают также из наших ощущений. Мы ощущаем утомление от неприятных запахов, от горьких или резких ароматов, что снова подтверждается нашим опытом.

§. 554. Определение добра.

Добром считается всё, что проясняет наше состояние, или, что то же самое, всё, что делает наше внутреннее и внешнее состояние более ясным. Например, искусство познания делает наше понимание более глубоким: это факт, который никто не оспаривает, и мы позже продемонстрируем его на основе понятия совершенства (§. 503 Онтология). Поэтому искусство познания называется добром. Аналогично, здоровье улучшает наше внутреннее состояние, или здоровье является определённым состоянием тела, что тоже не вызывает сомнений, и мы на основе того же понятия совершенства объясним это в другом месте. Таким образом, здоровье является добром, и именно поэтому его называют добром. Деньги улучшают наше внешнее состояние, что также будет продемонстрировано на основе того же понятия совершенства, хотя это легко принимается без дополнительных доказательств. Поэтому деньги тоже являются добром. Искусство познания – это определённое состояние разума, здоровье тела, и таким образом внутреннее состояние становится более ясным благодаря этому, как и внешнее благодаря деньгам. Отсюда следует, что не имеет значения, говорите ли вы, что мы совершенствуемся, или утверждаете, что наше внутреннее состояние становится более ясным.

§. 555. Различие между внутренними и внешними благами.

Внутренним благом считается то, что завершает наше внутреннее состояние и совершенствует нас; внешним благом называется то, что завершает внешнее состояние.

Таким образом, искусство находить и слава – это внутренние блага, тогда как деньги относятся к внешним благам (см. примечания и §. 554). Слово «состояние» в общем смысле охватывает как внутренние, так и внешние блага, которые представляют собой две разные категории в определении блага (§. 554). Существуют также некоторые внутренние блага, которые не относятся к внутреннему состоянию, а затрагивают сущность человека, например, интеллект, который считается благом, поскольку воспринимается как естественная способность души, и никто не оспаривает этого. Поэтому как в обыденной речи, так и у философов благо и совершенство часто рассматриваются как синонимы. Таким образом, любое существо называется благом, что идентично понятию совершенства.

§. 556. Блага души, тела и удачи

Блага можно разделить на три категории: блага души, тела и удачи, в зависимости от того, касаются ли они нашей души, тела или внешнего состояния.

Таким образом, добродетель представляет собой благо души, благодаря которой душа становится более совершенной, чем без нее. Здоровье – это благо тела, которое делает тело более совершенным, чем оно было бы без него. Наконец, богатство – это благо удачи, которое улучшает наше внешнее состояние по сравнению с тем, что было бы без него.

§. 557. Различие между истинным и мнимым благом.

Истинное благо – это то, что действительно улучшает нас и наше состояние. В то время как мнимое благо – это то, что только кажется, что улучшает наше состояние.

Поэтому важно научиться правильно оценивать наше совершенствование, чтобы не путать мнимые блага с истинными: это часто происходит с людьми, которые не понимают, что действительно способствует их совершенствованию.

§. 558. Удовольствие от познания блага.

Когда мы осознаем благо, мы испытываем удовольствие от этого. Благо завершает наше внутреннее и внешнее состояние (§. 554); мы понимаем, что это благо, и осознаем некое совершенствование, которое влияет на нас (§. 11), и, следовательно, должны получать от этого удовольствие (§. 511).

Это также подтверждается и на практике. Искусство изобретения – это бесконечное, а, возможно, и величайшее достижение человеческого разума. Если кто-то это понимает, не размышляя о самом искусстве изобретения, он все равно испытывает удовольствие, судя о том, что это благо. Тот, кто осознает, что деньги делают наше внешнее состояние более совершенным, получает удовольствие от денег, которые он получает или считает своими. Однако младенцы, не обладая этим знанием, не испытывают удовольствия от денег, предпочитая яблоко или пирожное золотой монете.

Когда мы осознаем благо, мы должны понимать, что объект, идею которого мы уже видим, является благом. Но мы не можем судить о том, что это благо, если не видим совершенствование, которое оно приносит. Простые слова, которые недостаточно понятны, ничего не могут изменить. Идеи и желания возникают из идей и желаний, а не из слов, которыми они обозначаются, хотя слова могут помочь нам вспомнить их. Это важно помнить, когда мы хотим проверить на собственном опыте то, что учит о взаимном возникновении идей и желаний.

§. 559. Каково это благо.

Если благо, которое мы знаем, действительно истинно, то удовольствие, которое мы от него получаем, тоже истинно. Однако если благо, которое мы познаем, лишь кажется таковым, или если истинное благо кажется нам лишь таковым, то удовольствие от него будет лишь иллюзорным. Дело в том, что если благо истинно, оно действительно совершенствует нас (§. 557). Таким образом, если мы осознаем истинное благо, мы представляем себе это истинное совершенствование (510), и, следовательно, осознавая истинное благо, мы понимаем некое подлинное совершенство. Удовольствие, которое мы от этого получаем (§. 511), возникает из истинного совершенствования, и, следовательно, это удовольствие также является истинным (§. 514).

Если же благо оказывается лишь кажущимся, то оно, по-видимому, лишь совершенствует нас (§. 557). Поэтому, если мы воспринимаем благо как кажущееся, мы ошибочно считаем, что оно совершенствует нас, когда на самом деле совершенствование отсутствует (510). Таким образом, удовольствие, которое мы от этого получаем (§. 511), возникает из кажущегося совершенствования, и, следовательно, это удовольствие является лишь кажущимся (§. 514).

Если добро действительно является истинным, то нам остается только признать, что оно не проявляется так, как мы этого не осознаем, и не завершает наше состояние: но пока мы так думаем, у нас есть лишь стремление, которое не является истинным (§. 557). Следовательно, поскольку удовольствие, получаемое из истинного блага, не является истинным, потому что истинное благо существует, но также потому, что мы знаем, что истинное благо представлено в пункте 1; удовольствие, которое мы получаем из этого, не является истинным. Однако, поскольку удовольствие воспринимается из блага, мы относим его к ошибочным достижениям, которые не имеют места между ними, как указано в пункте 2; удовольствие, получаемое из истинного блага, кажется нам таким, только если оно не является очевидным.

Данное утверждение имеет огромное значение в области морали, где особенно важно учитывать, что добро, которое является истинным в себе, может казаться равным восприни-

маемому, когда кто-то по ошибке считает это благом, хотя на самом деле это не так, но по другой причине. Судя по ошибочному принципу, а не истинному, он делает вывод о том, что это хорошо, основываясь на том, что воспринимает о предмете.

§. 560. Обманчивый критерий блага.

Удовольствие воспринимается не только от того, что является добром, но и от того, что кажется добром. Более того, может случиться так, что удовольствие, получаемое от истинного блага, воспринимается лишь как иллюзия. Поэтому благо нельзя оценивать только по тому, получаем ли мы от него удовольствие. Например, чрезмерное употребление вина не является добром, даже если некоторые люди получают от этого удовольствие.

§. 561. Ошибочное представление о благе.

Люди, судящие по своим ощущениям, склонны считать благом то, что приносит удовольствие, как это подтверждается общим опытом. Однако общепринятое представление о добре ошибочно. Эта ошибка приводит к тому, что люди часто падают в пороки и воспринимают закон природы как враждебный к себе, если он запрещает то, что они считают добром. Но об этом стоит поговорить подробнее в рамках моральных вопросов.

§. 562. Явная изменчивость удовольствия.

Удовольствие может казаться изменяющимся. Дело в том, что когда мы воспринимаем удовольствие, это вызывает в нас стремление к нему, особенно когда мы осознаем некое видимое совершенство (§. 514). Поскольку явное стремление может ошибочно приписываться какому-то объекту, когда на самом деле его не существует, или объекту, которому оно приписывается, не соответствует (§. 510); само по себе, нельзя доказать явное удовольствие как истинное, чтобы оно было тем же в числе стремлений, которые ты принимаешь за таковые, или чтобы объект соответствовал истинному стремлению (§. 507 Log.). Таким образом, в этом случае удовольствие может изменяться (§. 534); явное удовольствие изменчиво. Это также подтверждается опытом. Мы наблюдаем, что люди могут полностью ощущать удовольствие от некоторых вещей, но со временем перестают его ощущать. Если же ты действительно исследуешь это, ты не найдешь ничего другого, кроме как то, что они изменили свое мнение о них, обученные опытом, что эти вещи не таковы, какими казались. Из этого источника проистекает вся изменчивость воли и желания, что подчеркивает важность различения истинного удовольствия и явного: как это может происходить, становится очевидным из вышеизложенного (§. 538).

§. 563. Как меняется ощущение удовольствия

Если кто-то осознает свое неведение о том, что он ранее считал преследованием определенной вещи, то это ощущение удовольствия исчезает. Однако, если он отнес это к числу несовершенных вещей, что раньше относил к преследованиям, то удовольствие превращается в скуку. Если кто-то понимает, что не знает, следует ли то, что он относил к преследованиям, считать несовершенством, то его удовольствие переходит в состояние безразличия, в котором он не испытывает ни радости, ни скуки (§.534). Поэтому, если он раньше испытывал явное удовольствие, как предполагается в данном случае, то это удовольствие исчезает.

Если же кто-то относит это к числу несовершенных вещей, что раньше помещал среди преследований, то его суждение меняется на противоположное, так как радость и скука являются противоположными состояниями (§.297 Log. & §.511.518 Pfyh.), и, следовательно, удовольствие превращается в скуку (§. 534). Таким образом, если в данном случае он испытывал явное удовольствие, как предполагается, то это удовольствие переходит в скуку.

Оба утверждения подтверждаются теми же наблюдениями, которые поддерживают предыдущее. В частности, в особых или уникальных случаях удовольствие от воспринятого никогда не изменяется, если только оно не исчезает или не превращается в скуку. Однако это предположение приносит значительную пользу в моральных вопросах, где важно тщательно оценивать истинное удовольствие и его кажущуюся форму, чтобы не оказаться в нелов-

ком положении, стремясь к счастью. Люди часто обманываются кажущимся удовольствием, не понимая истинной ценности вещей, как это должно быть. §. 564. Устойчивость и изменчивость удовольствия зависят от того, является ли благо истинным или лишь кажется таковым. Удовольствие, которое мы получаем от истинного блага, признаваемого нами, является устойчивым; в то время как удовольствие, воспринимаемое из кажущегося или даже из истинного, если оно ошибочно принимается за кажущееся, является изменчивым. Все, что является истинным благом, действительно улучшает нас и наше состояние (§. 557). Если это должно быть признано как таковое, мы наблюдаем некое истинное совершенство, и, следовательно, удовольствие, происходящее из этого (§. 511), является истинным (§. 514) и, соответственно, устойчивым (§. 515). Если благо становится очевидным, оно, по-видимому, лишь завершает наше состояние (§. 557). Таким образом, если кто-то осознал это, он лишь осознал некое явное совершенство, следовательно, воля, которая тогда пронизывает его разум (§. 511), становится явной (§. 514), и, следовательно, изменчивой (§. 563). Если же истинное благо становится очевидным, то, очевидно, ты будешь считать его благом по той же причине, по которой оно кажется явным; в данном случае, когда все зависит от нашего суждения, явное эквивалентно. Поэтому удовольствие, полученное от него, должно быть изменчивым (§. 2). Когда оно исчезает или уходит в скуку, это можно понять из предыдущего утверждения. Здоровье, когда оно является истинным благом, приносит постоянное удовольствие, которое мы получаем от него. Каждый раз, когда ты представляешь себе неудобства болезней, противопоставленные тем же преимуществам здоровья, которыми ты наслаждаешься, ты воспринимаешь удовольствие от здоровья. Однако не стоит бояться, что разум будет затронут скукой из-за того, что ты смотришь на здоровье. Если есть люди, которые не получают удовольствия от здоровья, это происходит потому, что они не осознают его преимущества и не представляют его как нечто совершенное. Пища, которая вкусна, но вредна для здоровья, кажется явным благом. Действительно, удовольствие от ее употребления может стать скучным, когда мы осознаем, что здоровье может быть вредным.

§. 565. Что такое зло.

Все, что ухудшает наше состояние, будь то внутреннее или внешнее, считается злом. Неведение делает наше понимание менее совершенным, и, следовательно, ум становится менее ясным – это мы подробнее объясним в разделе о несовершенстве (§. 504 Онтология). Таким образом, неведение является злом. Боль ухудшает состояние ума, и поэтому она тоже плоха. Болезнь делает наше тело менее совершенным или, что еще важнее, ухудшает его внутреннее состояние, и поэтому тоже считается злом. Вредная пища негативно сказывается на состоянии тела и, следовательно, сама по себе является злом. Вражда ухудшает наше внешнее состояние и, следовательно, также является злом.

§. 566. Различие между внутренним и внешним злом.

То, что ухудшает наше внутреннее состояние, называется внутренним злом; то, что ухудшает внешнее состояние, называется внешним злом. Таким образом, неведение является внутренним злом, так как оно делает ум и его состояние менее совершенными: это состояние ума относится к внутреннему состоянию. То же самое можно сказать о боли, поскольку мы осознаем ее, и, следовательно, ее восприятие и осознание касаются состояния ума. Болезнь является внутренним злом, так как она ухудшает состояние тела. Вражда же является внешним злом, так как она делает наше внешнее состояние менее совершенным.

§. 567. Зло духа, тела и судьбы.

Зло духа относится к нашей душе. Зло тела связано с физическим состоянием. Наконец, зло судьбы касается нашего внешнего положения.

Невежество является злом духа; болезнь – злом тела; вражда – злом судьбы, особенно если в ней нет вины, где в названии присутствует истина.

§. 568. Разница между истинным и мнимым злом.

Истинное зло – это то, что действительно делает нас и наше состояние менее совершенными. Мнимое зло – это то, что лишь кажется, что ухудшает нас и наше состояние.

§. 569. Утомление от осознания зла.

Когда мы осознаем зло, мы начинаем ощущать от него утомление. Если мы признаем зло, мы не только вызываем его образ в нашем сознании, но и осознаем, что оно действительно существует, и, следовательно, у нас есть интуитивное понимание зла (§. 286). Таким образом, когда мы признаем зло как то, что делает наше состояние менее совершенным (§. 565), мы начинаем осознавать некоторую нашу несовершенство и, следовательно, испытываем утомление (§. 518).

Это также подтверждается и на практике. Например, когда мы сталкиваемся с неудобствами, связанными с нашим незнанием, будь то из-за того, что не можем решить, что делать в сложной ситуации, или когда представляем себе потери, в которые мы или другие попали из-за незнания; мы воспринимаем незнание как зло (§. 565). Кто из нас не ощущал бы утомления в таком состоянии из-за незнания? Точно так же, если кто-то наблюдает за страданиями больного и, сопоставляя это с собственным состоянием, представляет себе потери, которые он мог бы понести, если бы столкнулся с такой же болезнью; он воспринимает болезнь как зло. И когда он думает о том, что представляет себе, он ощущает утомление от болезни. Таким образом, становится очевидно, что утомление возникает от зла, которое он осознает или интуитивно понимает. Необходимо, чтобы наше понимание было истинным; однако оно также имеет значение, даже если оказывается ошибочным, так что нам кажется, что это зло, хотя на самом деле его нет, как будет показано в следующем утверждении.

§. 570. Утомление, возникающее от явного зла.

Если нам кажется, что мы распознаем зло, это приводит к чувству утомления. Если нам кажется, что мы видим зло, мы не только воспринимаем объект как злой, но и осознаем, что у нас есть такое же мнение о нем, и, следовательно, мы обладаем интуитивным знанием о зле, как о явном (§. 286). Таким образом, когда зло проявляется, как будто оно делает наше состояние только более несовершенным (§. 569); мы осознаем некое наше явное несовершенство, и, следовательно, испытываем утомление (§. 518).

Это также подтверждается на практике. Когда мы наблюдаем, что люди, занимающие высокие должности, тем не менее, подвергаются клевете и их репутация страдает, потому что знание дает им преимущество; они воспринимают знание как причину того позора, который их мучает, и считают, что это делает их положение более уязвимым. Утомление возникает от того, что знание наполняет душу, и, что еще хуже, часто вызывает нетерпение, которое приводит к гневу. Однако, когда ум возвращается к себе, он находит удовольствие в знании, а от клеветы – лишь усталость: и тогда он осознает, что знание делает ум более совершенным, а привычка клеветать искажает мышление тех, кто клеветает. Безусловно, когда мы распознаем зло, или, по крайней мере, нам кажется, что мы его распознаем, мы должны судить, что объект, идею которого мы уже видим, является злом. Но мы не можем судить о том, что это зло, если не осознаем ту несовершенство, которую оно нам приносит. Простые слова, которые мы недостаточно понимаем, не приводят ни к чему. Мы уже упоминали это выше (замечание §. 558) в аналогичном контексте: из-за значительной пользы, которую это приносит, это замечание следовало бы повторить.

§. 571. Изменчивость тоски.

Тоска, которую мы воспринимаем как истинное зло, является постоянной, поскольку мы осознаем ее: то, что кажется нам злом, или даже то, что мы считаем истинным, если это воспринимается неверно, является изменчивым. Если зло действительно существует, оно делает наше состояние более несовершенным (§. 568). Поэтому, принимая это как гипотезу, мы уверены, что оно делает наше состояние менее совершенным (§. 564 Лог.). Поскольку чувство уверенности связано с нашим суждением, каждый раз, когда оно повторяется (§. 117), нет причины,

по которой оно должно изменяться, и, следовательно, не может измениться (§. 56 Онтол.). Таким образом, когда мы всегда судим, что это зло, которое мы признаем, мы осознаем свое несовершенство, и, следовательно, тоска всегда возникает (§. 518), и, следовательно, она постоянна.

Если же зло воспринимается лишь как кажущееся, оно кажется, что делает наше состояние более несовершенным, но на самом деле не делает этого (§. 568). Поскольку ошибочное суждение принимается за истинное (§. 505. 506 Лог.), и, следовательно, мы можем ошибаться (§. 623 Лог.); возможно, мы можем признать свою ошибку, и, следовательно, зло больше не будет оцениваться так, как оно оценивалось ранее (§. 623 506 Лог.).

§. 571. Изменчивость тоски.

Тоска, которую мы воспринимаем как истинное зло, является постоянной, поскольку мы осознаем ее: то, что кажется нам злом, или даже то, что мы считаем истинным, если это воспринимается неверно, является изменчивым. Если зло действительно существует, оно делает наше состояние более несовершенным (§. 568). Поэтому, принимая это как гипотезу, мы уверены, что оно делает наше состояние менее совершенным (§. 564 Лог.). Поскольку чувство уверенности связано с нашим суждением, каждый раз, когда оно повторяется (§. 117), нет причины, по которой оно должно изменяться, и, следовательно, не может измениться (§. 56 Онтол.). Таким образом, когда мы всегда судим, что это зло, которое мы признаем, мы осознаем свое несовершенство, и, следовательно, тоска всегда возникает (§. 518), и, следовательно, она постоянна.

Если же зло воспринимается лишь как кажущееся, оно кажется, что делает наше состояние более несовершенным, но на самом деле не делает этого (§. 568). Поскольку ошибочное суждение принимается за истинное (§. 505. 506 Лог.), и, следовательно, мы можем ошибаться (§. 623 Лог.); возможно, мы можем признать свою ошибку, и, следовательно, зло больше не будет оцениваться так, как оно оценивалось ранее (§. 623 506 Лог.).

§. 573. Ошибочное представление о зле.

Общепринятое представление о зле является ошибочным. Люди судят о зле, основываясь на том, что оно вызывает у нас скуку. Однако зло не может оцениваться только по этому критерию (§. 572). Таким образом, общее представление о зле является ложным (§. 506 Лог.), и, следовательно, ошибочным (§. 623 Лог.).

Заблуждение о зле является источником всех пороков, поэтому очень важно исправить это представление, чтобы не путать добро со злом. Опыт показывает, насколько люди могут заблуждаться, судя по этому понятию о зле. Это ошибочное представление заставляет людей избегать добродетели и считать, что естественный закон накладывает на них некое бремя, так как такие предписания, по их мнению, делают жизнь скучной. Однако об этом стоит поговорить подробнее в соответствующем разделе «Моральных». То, что говорится о желании, является основополагающими и близкими принципами всей моральной философии, что станет очевидным позже.

§. 574. Что вытекает непосредственно из другого.

Из А непосредственно вытекает В, если в А содержится достаточная причина для этого. Например, из ранения, нанесенного сердцу, непосредственно вытекает смерть, так как это объясняет, почему смерть происходит. Следовательно, в данном случае содержится достаточная причина, почему это следует (§. 56 Онтология). Поэтому рана, нанесенная сердцу, называется непосредственно смертельной. Также в том, что треугольник имеет три стороны, содержится достаточная причина, почему он должен иметь именно три угла, а не больше и не меньше. Таким образом, из того, что треугольник имеет три стороны, непосредственно следует, что он также должен иметь три угла.

§. 575. Что вытекает случайно.

Из А случайно вытекает В, если в А нет достаточной причины, почему это происходит, а причина может находиться в чем-то другом, что добавляется, но не обязательно. Например, из ранения, нанесенного руке, непосредственно не следует смерть; однако она может возникнуть случайно, например, из-за отсутствия хирурга, когда из поврежденной вены вытекает слишком много крови, или из-за ошибки хирурга или пациента может развиваться гангрена. Таким образом, в этом случае рана называется смертельной случайно.

§. 576. Как скука возникает из явного зла.

Скука не появляется непосредственно из явного зла, а лишь случайно. Если зло просто кажется таковым, оно не является истинным; оно не делает нас и наше состояние менее совершенными (§. 566), и поэтому скука не может возникнуть, когда мы осознаем какую-то истинную неполноту. Следовательно, поскольку скука возникает из идеи вещи, к которой примыкает идея определенной неполноты (S. 518); в идее явного зла нет достаточного основания для того, чтобы оттуда возникала скука (§. 56 Онтология), следовательно, скука не может возникнуть оттуда непосредственно (§. 574).

Тем не менее, поскольку явное зло, кажется, делает нас и наше состояние менее совершенными (§. 568); к идее вещи должно что-то добавляться, из-за чего мы либо кажемся менее совершенными, либо наше состояние кажется менее совершенным. Поэтому, поскольку мы осознаем некоторую неполноту, в которой заключается вся наша скука (§. 518); основание, почему скука возникает из явного зла, содержится не в самом зле, а скорее в чем-то другом, что к нему добавляется, следовательно, скука возникает из явного зла лишь случайно (§. 575). Таким образом, это подтверждается и на практике. Лекарство с неприятным запахом кажется вредным. Люди, которые действительно испытывают от него скуку, не осуждают его эффективность так сильно, как она проявляется в лечении болезней и восстановлении утраченной силы, но при этом не понимают, какие именно вредные последствия этот неприятный запах может иметь для организма. Поэтому в самой идее лекарства нет достаточной причины для скуки (.56 Онтология), а скорее это связано с теми ошибочными представлениями, которые возникают у разных людей в разных ситуациях, и поэтому здесь не стоит подробно их перечислять. Таким образом, скука от лекарства с неприятным запахом возникает лишь случайно (§.575). Это означает, что некоторые люди, для которых запах лекарства не менее неприятен, используют его без какой-либо скуки, а даже с удовольствием, когда представляют его эффективность как нечто полезное (§. 536). Чтобы избежать очевидного вреда, нам следует четко различать, что именно вызывает скуку. §. 577. Утомление никогда не возникает из истинного добра. Истинное добро не может вызывать утомление. Оно либо признается, либо нет. Допустим, что мы признаем истинное добро: из него мы получаем удовольствие (§. 558), и это удовольствие является истинным (§. 559) и стабильным (§. 564). Поэтому невозможно, чтобы утомление возникало из истинного добра, так как в противном случае оно было бы нестабильным и изменчивым (§. 290 Онтология). Следовательно, утомление не может возникнуть из этого (§. 574 Психология и §. 79 Онтология). Это также можно продемонстрировать другим способом. Истинное добро действительно совершенствует нас и наше состояние (§. 557), и если мы это осознаем, мы всегда осознаем некое совершенство, что, в свою очередь, создает достаточную причину для удовольствия, а не для утомления (§. 511, 518 Психология и §. 56 Онтология). Таким образом, в понятии добра нет достаточной причины для утомления, и оно не может возникнуть там, где добро признается (§. 574). Пусть теперь истинное добро не признается. Или, следовательно, остается вопросом, является ли оно хорошим или плохим: или же его считают плохим. Если остается неопределенность, является ли что-то хорошим или плохим, то ты не осведомлен ни о каком совершенстве, ни о несовершенстве (S. 554. 565). Поэтому, поскольку вся суть удовольствия заключается в том, чтобы быть осведомленным о каком-то совершенстве (§. 511), а скука же заключается в осознании какого-то несовершенства (§. 518); через понятия добра и зла неясно, как может возникнуть скука, следовательно, недостаточно

оснований для скуки в понятии истинного, но неузнанного добра нет (§. 56 Ontol.), и, следовательно, скука сама по себе может возникнуть лишь из неузнанного истинного добра, если оставить вопрос открытым (§. 574). Если же истинное добро ошибочно принимается за зло, то зло оказывается лишь иллюзией (§. 568). Поэтому, поскольку из кажущегося зла скука сама по себе не возникает (§. 576); из истинного же добра в этом случае скука тоже не может возникнуть. Поскольку, следовательно, из истинного добра скука сама по себе не может возникнуть, независимо от того, признается ли оно, оставляется ли в сомнении или, в конечном итоге, считается злом по приведенным доказательствам; из истинного добра скука никогда не может возникнуть. Это также подтверждается и в обратном направлении. Наука и моральная добродетель, когда речь идет о истинном добре, как никто, кто является сторонником разума, не может с этим спорить, должны быть продемонстрированы в соответствующем контексте. Тот, кто обладает знанием или добродетелью, всегда воспринимает их такими, какие они есть, и получает от этого удовольствие. Однако, если возникают завистливые и злонамеренные действия, которые вызывают отвращение, душа может начать испытывать скуку и ненавидеть знание и добродетель. Но это отвращение не исходит от самих знания и добродетели, а скорее от зависти и злобы других людей, которые искажают нашу душу и вызывают беспокойство. Таким образом, скука не является следствием знания и моральной добродетели, хотя иногда она может возникать из-за того, что другие создают нам ненависть и скуку. Это настолько очевидно, что, обращая внимание на знание и моральную добродетель, с помощью которых мы разжигаем ненависть к другим, мы можем находить удовольствие даже среди множества сук, которые нас окружают, и таким образом преодолевать их. Мы могли бы привести примеры из повседневной жизни, если бы не было очевидно, что у нас есть собственный опыт в этом вопросе. Это утверждение имеет огромное значение в моральной философии, поскольку оно содержит основу непоколебимой добродетели, которую мы, как будет ясно позже, собираемся продемонстрировать.

§. 578. Как скука возникает из истинного блага.

Если возникает ситуация, когда из истинного блага возникает скука, поскольку скука должна возникать либо непосредственно, либо случайно (§. 574.575), но непосредственно она возникнуть не может (§. 577); следовательно, она может возникнуть только случайно.

Это подтверждается примером, к которому мы ранее обращались для подтверждения предыдущей идеи. Действительно, скука никогда не возникает из знания и добродетели, если только не появляется из зависти и ненависти к другим. Таким образом, скука из знания и добродетели возникает только случайно (§. 575).

Глава II. О чувственном влечении и отвращении

§. 579 Определение влечения в общем.

Влечение в общем – это склонность души к какому-либо объекту, основанная на восприятии блага в нём.

Например, представим, что Тиций слышит от врача Семпрония, что какая-то пища способствует поддержанию здоровья. Если он поймет, насколько важна эта пища для здоровья, он решит, что она хороша, придавая ей степень благости в зависимости от того, насколько она способствует здоровью (С. 554). Таким образом, когда он так решает, он осознает, что тянется к этой пище и желает ее. Таким образом, реальность этого определения становится очевидной на практике, что каждый может испытать сам.

§. 580 Определение чувственного влечения.

Чувственное влечение – это то, что возникает из идеи воспринимаемого блага. Поэтому его можно определить независимо от общего влечения как склонность души к объекту на основе блага, которое может быть истинным или кажущимся, воспринимаемого в нём.

Например, представим, что Тиций на вкус ощущает приятный вкус вина и в привычной восприятии решает, что это хорошо. Отсюда он почувствует влечение, которое мы называем чувственным. Поскольку наше влечение в большинстве случаев является чувственным, его примеры очевидны, и они не исчезают, если вы обращаете достаточное внимание на те случаи, когда мы по привычке желаем что-либо.

§. 581. §581. Определение отвращения.

Отвращением в общем смысле называется отклонение души от объекта, воспринимаемого как зло, или того, что кажется нам таковым.

Например, если Тиций слышит от врача Семпрония, что какой-то продукт может нанести вред здоровью, ссылаясь на примеры людей, которые, употребляя его, столкнулись с серьезными и опасными болезнями, он отвергает этот продукт, а если он уже его съел, то извергает его. Таким образом, он отказывается от продукта, который воспринимает как зло, хотя на самом деле мог бы его съесть из-за очень приятного вкуса. Когда он отвергает продукт, его душа отклоняется от него, поскольку он хочет, чтобы этот продукт был как можно дальше от него; это мы показываем наклоном головы и движением рук, как будто кто-то хочет убрать что-то от себя, когда это нам предлагают. Так же, как в определении желания мы использовали ясное понятие наклона, хотя и с некоторыми недостатками, так и здесь мы согласны с ясным, но несовершенным понятием отклонения. Ведь каждый может в любой момент испытать, что означает как наклон, так и отклонение души, поскольку желания и отвращение непрерывны, и едва ли можно найти момент, когда мы не чего-то хотим или от чего-то не отказываемся.

§. 582. Определение сенситивного отвращения.

Сенситивное отвращение – это реакция, возникающая из представления о страдании, воспринимаемом как зло. Таким образом, независимо от отвращения в общем смысле, её можно определить как уклонение от сенситивного объекта из-за воспринятого в нём зла или того, что мы, кажется, воспринимаем в нём. Например, если кто-то испытывает сильную боль от хирургического инструмента, введенного в рану, или каким-то другим образом примененного к ней. Если в будущем хирург решит снова использовать этот инструмент для раны, то воображение вызывает идею боли (§. 117), чтобы соединиться с текущим восприятием. Поэтому раненый отстраняется от этого инструмента и отвергает его использование на своей ране. Эта реакция называется сенситивным отвращением, потому что она в конечном итоге возникает из чувства; это также следует учитывать в контексте сенситивного влечения.

§. 583. Пояснение терминов схоластиков.

Схоластики также называют чувственное влечение просто влечением. Они делят это влечение, которое понимается как чувственное, на два типа: стремительное и гневливое. Стремительное влечение – это то, что мы называем чувственным влечением (§.580). Гневливое влечение обозначает ту способность, которую мы именуем чувственным отвращением. Как говорит Франсиско де Овьедо из Общества Иисуса в своем Философском курсе, том 2, трактате о душе, в разделе 4, пункте 3, чувственное влечение делится на стремительное и гневливое. Это деление не связано с различием способностей, а с различными действиями, происходящими от одной и той же способности: когда влечение направлено к добру, его называют стремительным, а когда к злу – гневливым. Если кто-то хочет использовать термины схоластиков, он легко сможет адаптировать наши понятия, следуя этому образцу. В общем, влечение – это способность ума, благодаря которой мы стремимся к добру, как бы оно ни воспринималось, и уклоняемся от зла. Чувственное влечение относится к добру или злу, которые обычно воспринимаются. Стремительное влечение – это наклонение души к воспринимаемому добру, а гневливое влечение – это уклонение от воспринимаемого зла.

Не все стремления различаются между стремлением к желаемому и гневом одинаковым образом. Философы-томисты утверждают, что стремление к желаемому направлено на добро, тогда как гневное стремление – на сложное добро. С этими точками зрения спорит Иоанн Понций в своем курсе философии, опираясь на идеи Скота в трактате о душе, где описывает стремление к желаемому как то, что движется к добру, независимо от того, является ли оно трудным или нет, достигая его различными действиями, кроме тех, что направлены на преодоление препятствий. Гневное стремление, напротив, связано с действиями, направленными на преодоление этих препятствий, и он доказывает, что эта мысль соответствует взглядам Скота. Если ты решишь использовать эти термины, будет более уместно отнести стремление к желаемому к стремлению к любому добру, а гневное – к избеганию зла, поскольку важно различать стремление к добру, к которому стремится душа, от стремления к злу, которого она избегает. Споры схоластиков о терминах, которые можно объяснять по своему усмотрению, являются пустыми, даже если их удобнее объяснять так; важно, чтобы на практике, ради которой эти различия делаются, они были полезны.

§. 584. Нижняя часть воли.

Чувствительное желание, сопровождаемое чувственным отвращением, называется нижней частью воли. Здесь желание рассматривается не как действие, а как возможность действия или потенция, которую мы называем факультативной (§. 29). Это название заимствовано из другой области, где мы делим способность познания на нижнюю и верхнюю части: нижняя часть аппетитивной способности соответствует нижней части познавательной способности, от которой она зависит.

§. 585. Состояние индифференции.

Когда мы ни желаем, ни отвергаем известный объект, мы считаемся индифферентными, а состояние души, при котором она индифферентна к объекту, который ей представлен, называется состоянием индифференции. Это состояние подтверждается опытом. Например, если кто-то видит на берегу реки много камешков и рассматривает их, но при этом ни желает, ни отвергает их. Более того, если он берет их в руки, чтобы лучше их рассмотреть, он все равно их снова отбрасывает, желая лишь созерцать их, но не желая обладать ими, возвращаясь к состоянию индифференции после созерцания.

§. 586. Представление и причина желания и отвращения.

Представление о добре служит достаточной причиной для желания, в то время как представление о зле – достаточной причиной для отвращения. Поскольку ничего не существует без достаточной причины, возникает вопрос, почему мы должны избегать чего-то, а не наоборот (§. 70 Онтология); также есть достаточная причина, объясняющая, почему мы желаем что-то, а не отказываемся от этого: почему мы должны избегать чего-то, а не просто игнорировать.

Опыт показывает, что когда мы что-то желаем, мы воспринимаем это как благо; когда мы что-то отвергаем, мы воспринимаем это как зло. А когда мы не желаем и не отвергаем, мы не знаем, является ли это для нас благом или злом, или же можем считать, что это не то, ни другое. Поэтому, когда мы получаем удовольствие от добра, когда осознаем это (С. 558), мы испытываем скуку от зла, когда осознаем это (§.569); из того, что мы считаем что-то добром, становится ясно, почему мы предпочитаем желать это, а не отвергать, и из того, что мы считаем что-то злом, становится понятно, почему мы предпочитаем отвергать это, а не желать, или не отвергать. Таким образом, представление о добре становится причиной желания, а представление о зле – причиной отвращения (§.56 Онтология).

Знание о том, каковы достаточные причины желания и отвращения, крайне полезно. Так мы подчиняем это не меньше, чем то, как это будет видно из моральных учений.

§. 587. Статус безразличия: когда он существует.

Если мы не осуждаем что-либо ни как добро, ни как зло; мы находимся в состоянии безразличия. Дело в том, что если мы ничего не воспринимаем, у нас нет достаточной причины для желания (§. 586). Поскольку иногда, согласно достаточной причине, ничего не может существовать (§. 70 Онтология); и мы не можем желать того, что не воспринимаем как добро. Следовательно, если мы не можем отвергать то, что не воспринимаем как зло, становится очевидным: если мы ничего не воспринимаем ни как добро, ни как зло, мы не можем ни желать, ни отвергать это, и, таким образом, находимся в состоянии индифферентности (§. 585).

Это также подтверждается апостериори. Здесь уместен пример, который мы привели для иллюстрации состояния безразличия (см. §. цит.); и можно привести множество других примеров, когда нам нужно просто направить наше внимание на объекты, которые в отношении нас и нашего состояния не воспринимаются ни как хорошие, ни как плохие. Важно обращать внимание на объекты, к которым мы относимся с безразличием, чтобы заметить недостаток восприятия добра и зла, и, таким образом, истина данного утверждения становится всё более и более ясной для нас.

Если вы утверждаете, что представление о добре не является единственным достаточным основанием для желания, а представление о зле – единственным основанием для отвращения, то необходимо упомянуть и другие причины, которые могут служить основой как для желания, так и для отвращения. Если кто-то хочет обратить внимание на подозрение, возникшее из незнания, ему следует задуматься над тем, что объекты не вызывают желания, если только они не имеют отношения к нам: ведь то, что нас не касается, нас не интересует. Если же объекты касаются нас, они либо улучшают наше состояние, либо ухудшают его, либо вообще не влияют на него. Таким образом, желание, помимо представления о добре (§. 554), и отвращение, помимо представления о зле (§. 565), не могут иметь другого основания, когда оба отсутствуют. В этом случае и желание, и отвращение исчезают, и возникает состояние безразличия, как это и предполагается в данной пропозиции. Если кто-то задумывается, почему он безразличен к тому или иному объекту, который ему предлагается, он легко поймет, что только через представление о добре или зле можно перейти из состояния безразличия в другое состояние.

§. 588. Незвестному нет влечения.

Поскольку невозможно определить, как какой-либо объект относится к нам и нашему состоянию, мы не можем сказать, является ли он хорошим или плохим, пока он нам не известен. Незвестное не вызывает у нас желания ни стремиться к нему, ни отвергать его; мы остаемся безразличными к одному и тому же. Древние тоже это заметили, подчеркивая известную поговорку: Незвестному нет влечения.

§. 589. Как возникает желание.

Как только мы представляем что-то как хорошее, у нас возникает желание этого. Действительно, как только мы воспринимаем что-то как хорошее, у нас появляется достаточная

причина для желания (§. 586), следовательно, само желание (§. 118 Онтология) также возникает, и мы стремимся к этому объекту.

Каждый из нас испытывает это в себе, если он способен различать те вещи, о которых он осознаёт в себе, и если он достаточно проницателен.

Важно помнить, что в данном утверждении, как и в других, предполагается, что ничего не может повлиять на определение предиката, кроме того, что содержится в понятии субъекта. Таким образом, в данном случае мы представляем объект как хорошее, и ничего из того, что мы можем вообразить, не может сделать наше суждение подозрительным. Напротив, более сильные аргументы против не возникают. Это должно быть проверено тем, кто хочет подтвердить истинность утверждения через собственный опыт.

§. 590. Как определяется отвращение.

Как только мы воспринимаем какую-либо вещь как плохую, мы начинаем от неё отвращаться. Ибо в тот момент, когда мы представляем себе что-то как негативное, возникает достаточная причина для этого отвращения (§.586). Следовательно, мы действительно отвращаемся от этой вещи (§.118 Онтология). Здесь стоит повторить то, что было сказано в предыдущем разделе.

§. 591. Объекты чувствительного влечения.

Если мы испытываем удовольствие от чего-либо, наше влечение направляется к этому объекту, и мы стремимся к нему, пока согласны с понятием блага. Если мы получаем удовольствие от какой-то вещи, мы воспринимаем её как хорошую, пока мы основываемся на суждениях чувств (§. 561), и таким образом, остаёмся в согласии с понятием блага (§. 536). Но как только мы представляем себе какую-либо вещь как хорошую, наше влечение к ней усиливается (§.589), и из идеи блага возникает чувствительное влечение (§. 580). Таким образом, если мы получаем удовольствие от чего-либо, мы стремимся к этому, пока согласны с его идеей.

Это подтверждается на практике. От пищи с приятным запахом мы получаем удовольствие: как только мы видим её, мы вспоминаем о её вкусе и начинаем желать её. То же самое происходит с приятным ароматом цветка; увидев его и почувствовав его запах, мы снова начинаем его желать. Младенцы привлекаются сладким вкусом. Они стремятся к тому, что сладкое.

Поскольку большинство людей имеют представление о добре и, следовательно, склонны удовлетворяться им, в целом все судят о вещах в соответствии с тем, что они знают, особенно когда объект сначала представлен чувствам или воображению через примеры, которые подтверждают это утверждение, настолько очевидные, что никому не мешает случайно испытать это на себе, как только возникает желание.

§. 592. Объект отвращения.

Когда мы испытываем отвращение к чему-то, мы отворачиваемся от этого, пока остаемся в неясном восприятии зла. Если мы воспринимаем что-то как зло, мы продолжаем это ощущать до тех пор, пока полагаемся на наши чувства (§.573), и, следовательно, остаемся в нечетком понимании зла (§.536). Однако, как только мы начинаем воспринимать нечто как зло, мы отворачиваемся от этого (§590), и из этого нечеткого представления о зле возникает наше чувствительное отвращение (§.582). Таким образом, если мы чувствуем отвращение к чему-то, мы отворачиваемся от этого, пока остаемся в неясном восприятии зла.

Это также подтверждается на практике: новички в начале испытывают отвращение к усердной работе, и мы не будем углубляться в причины этого. Но им очевидно, что они отвергают усердие и надежность, и если не будет другого стимула, они становятся небрежными. Таким образом, очевидно, что они отвергают усердие не только потому, что испытывают отвращение к нему; но также это отвращение продолжается до тех пор, пока мы судим о усердии в контексте этого представления о зле, и пока не появляются другие причины, которые могут изменить наше мнение или отвлечь наше внимание от этого.

§.593. Понятие смешанного блага.

Когда мы воспринимаем какую-либо вещь как хорошую, в это представление о добре входят удовольствия, которые мы испытываем от этой вещи или которые мы ощущали ранее вместе с ней. Когда мы воспринимаем вещь как хорошую, наше воображение также восстанавливает образ удовольствия, которое мы уже испытывали, будь то от этой вещи или в сочетании с ней (§. 104). Эта идея может быть представлена в том виде, в котором мы её восприняли, и это могло происходить как долго, так и часто (§.107). Мы также можем вспомнить это благодаря памяти (§. 175), и таким образом мы осознаем, что ранее испытывали это удовольствие от этой вещи или вместе с ней (§.173). На самом деле удовольствия, которые мы получаем в разное время от этой вещи или вместе с ней, воспринимаются в соответствии с гипотезой. Поскольку ты сосредотачиваешь всё внимание на вещи, по этой гипотезе нет причин, по которым одна память должна быть важнее другой, и, следовательно, все они должны восприниматься одновременно. Поэтому, когда несколько удовольствий воспроизводятся одновременно и не различаются, они формируют некое смешанное понятие (§. 39). Люди, которые основываются на своих чувствах и согласны с понятием смешанного блага (§.54), делают вывод о добре, исходя из того, что получают удовольствие от этого (§. 561). Таким образом, это смешанное понятие, которое включает удовольствия, полученные от данной вещи или ранее воспринятые из неё, является той самой идеей, с помощью которой мы представляем эту вещь как хорошую. Следовательно, когда мы воспринимаем вещь как хорошую, в понятие блага входят удовольствия, которые возникают из этой вещи или были восприняты вместе с ней ранее.

Тем не менее, это становится очевидным лишь после опыта, если вы умеете развивать неясные идеи, чтобы ясно увидеть, что они содержат. Представим, что Тиций смотрит на вино в стеклянном бокале; его память будет наполняться удовольствиями из разных моментов, частично от вкуса вина, частично от разговоров с гостями или по другим причинам, которые он воспринимает между глотками. Когда же нужно объяснить, почему глоток вина считается хорошим, вы заметите, что можно привести то одну, то другую причину, в зависимости от того, на какую конкретную деталь он направляет своё внимание (§. 109). Более того, вы обнаружите, что несколько причин могут накапливаться, иногда не совсем согласуясь друг с другом, в зависимости от того, как внимание последовательно переходит от одной воспринимаемой детали к другой (§. 110). Поэтому, если кто-то захочет подтвердить истинность данного утверждения на основе личного опыта, ему следует быть внимательным к развивающимся неясным идеям, последовательно направляя своё внимание на каждую деталь, содержащуюся в текущем восприятии. Так они, как бы сами собой, будут представляться, и под воздействием воображения восприниматься как присутствующие, если только вы не будете нетерпеливы в размышлениях о текущем предмете и внимании к образам, созданным воображением. Однако это терпение в значительной степени приобретает через практику и другие предшествующие привычки, такие как привычки размышления, внимания и проницательности, как каждый сможет испытать на собственном опыте. Максимальное значение имеет текущее предложение в области морали. Дело в том, что понятие блага оказывается наиболее обманчивым, так как в него входят удовольствия, которые либо вовсе не воспринимаются, либо, по крайней мере, не могут быть восприняты одновременно. Таким образом, благо кажется более значительным, чем на самом деле, даже если мы опираемся на наши чувства. Поэтому очень важно научиться распознавать запутанные восприятия блага, чтобы, осознав обманчивую природу этих восприятий, нам было проще их избегать. На самом деле, изучив несколько примеров, показывающих, какие восприятия обладают такой обманчивой силой, мы сможем более осторожно относиться ко всем запутанным представлениям о добре.

§. 594. Понятие смешанного зла.

Когда мы воспринимаем вещь как зло, в нашу идею зла входят любые скучные ощущения, возникающие от этого предмета или которые мы ранее ощущали вместе с ним. При восприятии вещи наша фантазия должна воспроизвести также и скучные ощущения, которые мы

уже воспринимали, как от этого предмета, так и вместе с ним (§. 104). Через память мы распознаем эти ощущения (§. 175), и таким образом осознаем, что ранее воспринимали их от этого предмета или вместе с ним (§. 173). На самом деле скучные ощущения, воспринятые в разное время от этого предмета или с ним, были сформированы через гипотезу. Поскольку ты направляешь внимание на всю вещь одновременно, также через гипотезу, здесь нет причины, почему одна память должна преобладать над другой, и все воспоминания должны действовать одновременно. Поэтому, когда идеи нескольких скучных ощущений одновременно воспроизводятся и не могут быть различены, они формируют некое смешанное понятие (§. 39). Люди, полагающиеся на свои чувства, соглашаются в восприятии смешанного зла (§. 275) и судят о зле по скуке, которую они ощущают (§. 573). Таким образом, эта смешанная идея, которую скучные ощущения, воспринятые от данного предмета или часто с ним, включают, является той самой идеей, с помощью которой мы представляем этот предмет как зло. Следовательно, когда мы воспринимаем предмет как зло, идеи зла включают любые скучные ощущения, возникающие от этого предмета или ранее воспринятые вместе с ним. Тем не менее, это подтверждается и позже, если ты умеешь развивать смутные идеи: представим, что Титий смотрит на вино в стеклянном бокале, и ранее уже неоднократно выпивал слишком много, что снова вызывало рвоту; на следующий день он ощущает слабость во всех суставах, головные боли, тошноту от вина и множество других недомоганий, вызванных пьянством. Увидев вино, все эти воспоминания вновь всплывут в его памяти. Поэтому, когда нужно будет объяснить, почему пить много вина считается плохим, это будет возвращаться то тут, то там, и накопится множество причин, как в предыдущем случае, что ты воспримешь.

Что касается предыдущего утверждения, его также следует повторить здесь. Кроме того, важно помнить, что с одной и той же вещью воспринимается то, что воспринимается, будь то это в ощущении или воображении. Отсюда возникают недомогания, связанные с тем, что было воспринято, поскольку они соединяются с вещью, которая вновь вспоминается. Например, предположим, что ты в состоянии пьянства не помнишь того, что должно было оставаться в тайне, и на следующий день Титий создает тебе беспокойство из-за того, что ты сказал то, что повредило его судьбе; из этих беспокойств ты ощущаешь недомогание. Вспомнив, что ты в пьяном состоянии выдал то, что должно было быть скрыто, и поэтому у тебя возникает беспокойство; ты рассматриваешь пьянство как причину своих недомоганий и связываешь идею недомогания с чрезмерным употреблением вина, откуда и возникло пьянство, так что, размышляя об этом, недомогание приходит на ум.

§395. Как усиливается чувствительный аппетит.

Если несколько удовольствий исходят от какого-либо объекта, или когда с тем же самым ранее воспринята идея блага, наше стремление становится сильнее, чем если бы удовольствий было меньше. Мы стремимся к чему-то постольку, поскольку это приносит нам удовольствие, когда мы успокаиваемся в смутной концепции блага (§. 591). Если несколько удовольствий исходят от какого-либо объекта, или когда с тем же самым воспринята идея блага, то эта идея оказывается смутной (§. 39). Из каждого удовольствия возникают отдельные стремления, которые смешиваются в одно, не менее чем сами удовольствия, из которых они происходят. Если вывод еще не кажется очевидным, он становится более ясным. Предположим, что в идее блага содержатся удовольствия A, B, C и D, всего четыре, но различающиеся по степени. Если вы сосредоточитесь на удовольствии A, возникнет стремление H, и так же, если вы подумаете о удовольствии B, возникнет стремление I; если вы подумаете о удовольствии C или D, возникнет стремление K или L (§.591). Когда в идее блага находятся удовольствия A, B, C и D, и вы обдумываете их одновременно, то ничего не мешает тому, чтобы из каждого удовольствия возникали свои стремления. Более того, если все удовольствия присутствуют в вашей идее, это создает достаточную основу для всех стремлений, которые возникают из каждого, и все стремления H, I, K и L также должны быть учтены (S.118 Ontol.). Поскольку они одновре-

менно возникают и стремятся к одной цели, несколько стремлений формируют общее желание, и таким образом, как бы одинаковое количество частей этого желания приходит к согласию (§. 341 Онтология). Поэтому постоянное стремление, состоящее из стремлений Н и I, является частью более широкого постоянного стремления, состоящего из Н, I, К и L, как показано ранее; постоянное стремление из Н и I меньше, чем постоянное стремление из Н, I, К и L (§. 352 Онтология). Действительно, постоянное стремление из Н и I возникает, когда в концепцию блага входят удовольствия А и В; в то время как постоянное стремление из Н, I, К и L формируется, когда в концепцию блага включаются удовольствия А, В, С и D, как было показано. Следовательно, если в концепцию блага входят несколько удовольствий из какого-либо объекта, или если те же удовольствия были восприняты ранее, то стремление будет больше, чем если бы в нем содержалось меньше. Таким образом, становится очевидным, как стремление может становиться все сильнее, если оно повторяется чаще, когда та же самая вещь предлагается для стремления.

§. 596. Как отвращение может стать сильнее.

Если от одной и той же вещи возникает множество отвращений или если одно и то же восприятие вызывает представление о чем-то плохом, то отвращение становится более интенсивным, чем в случае, если таких восприятий меньше. Это можно проиллюстрировать тем же способом, что и в предыдущем утверждении, заменяя отвращения на удовольствия и желания. Таким образом, доказательство предыдущего утверждения легко преобразуется в доказательство более сильного утверждения настоящего, так же, как мы ранее (§. 594) преобразовали одно предшествующее утверждение (§. 593) в другую форму.

Это утверждение показывает, как может возникнуть более сильное отвращение, если оно повторяется часто, когда одна и та же вещь снова и снова вызывает отвращение. Также становится ясно, что мы можем контролировать процесс усиления отвращения.

§. 597. Добро, когда оно кажется большим.

Если несколько удовольствий соединяются с ранее воспринятой идеей блага, то это добро кажется более значительным, чем то, что воспринимается нашими чувствами. Предположим для ясности, что удовольствия А, В, С и D входят в идею блага и образуют некое смешанное удовольствие L. Таким образом, удовольствия А, В, С и D вместе составляют одно общее удовольствие L, и каждое из них можно рассматривать как часть этого целого (С. 341 Онтология). Поэтому удовольствие А меньше, чем удовольствие L (С. 357 Онтология). Таким образом, когда удовольствия когда-то воспринимаются не всегда из одного и того же источника или с тем же объектом, что очевидно; если в данном случае удовольствие А воспринимается только из данного предмета, оно, безусловно, воспринимается слабее, чем то, что должно восприниматься в идее блага. Хотя, следовательно, добро оценивается на основе воспринимаемого удовольствия, и, таким образом, основывается на суждении чувств; тем не менее, добро должно казаться более значительным, чем то, что мы позже обнаруживаем, когда несколько удовольствий соединяются с ранее воспринятой идеей этого блага. Тем не менее, это также подтверждается на практике. Допустим, что А означает удовольствие от вкуса вина, В – удовольствие от компании друга, С – удовольствие от беседы с присутствующими, а D – удовольствие от воспоминаний о многих отсутствующих друзьях. Таким образом, когда ты выпиваешь вино, твоя душа наполняется множеством удовольствий. Однако ты заметишь, что в таком случае глоток вина воспринимается как большее благо, чем то, что ты осознаешь позже, если выпьешь его в одиночку или даже в компании других. Понятия о благе оказывают на нас большее влияние, и тем сложнее со временем выявить случайные причины удовольствия, которые не всегда и не везде присутствуют.

§. 598. Утомление, когда оно становится более заметным.

Если несколько видов утомления возникают при восприятии какого-либо зла, которое было ранее понято; когда зло кажется более значительным, чем мы можем оценить своими

чувствами. Таким образом, это показывает, как предыдущее утверждение, заменяя удовольствия на утомление и добро на зло.

Это также подтверждается и в обратном порядке. Если кто-то часто судит о своих и чужих утомлениях и затем воспринимает их как значительные; ему будет казаться, что перед ним большее зло, чем другому, который никогда не испытывал утомления и свободно говорит о других. Если кто-то привык обращать внимание на любые случайности, которые ему встречаются, и знает, как сосредоточить на них свой ум; он найдет множество примеров, которые подтвердят истинность данного утверждения.

То, что мы упомянули ранее (зам. S. 597) о заблуждениях понятий добра, также применимо к утомлению. Кроме того, крайне полезно выявлять заблуждения в обоих случаях, так как величина желания и отвращения от этого зависит. Вся цель моральной философии состоит в том, чтобы привести направление желания под наш контроль, чтобы мы не действовали опрометчиво и не сожалели об этом впоследствии.

§. 599. Степени чувствительных влечений и отвращений.

Чувствительное влечение и чувствительное отвращение имеют свои степени. Поскольку эти влечения и отвращения являются способностями души (§. 584), которые можно определить (§. 112.122 Онтология), и, принимая во внимание другое определение, заключающее в себе внутреннюю сущность (§. 154 Логика), они связаны с пониманием (§580.582); это качества души (§.452 Онтология). Таким образом, если одно влечение сильнее (§.595), а одно отвращение сильнее другого (§.596), то, следовательно, по общему определению, это может проявляться либо в разное время по одному и тому же объекту, либо в одно и то же время по различным объектам. И влечение, и отвращение имеют свои степени (§.746 Онтология).

Таким образом, влечение и отвращение получают оценку, хотя точная мера еще не найдена. Нам достаточно знать, что степени существуют как в чувствительном влечении, так и в чувствительном отвращении: это важно для понимания природы эмоций.

§600. Изменчивость этих степеней.

Степени чувствительного аппетита и чувствительного отвращения меняются у одного и того же субъекта, если изменяются суждения о добре и зле. Поскольку чувственные желания и отторжения имеют разные уровни (§.599); одно желание может быть сильнее другого, и одно отторжение может быть сильнее другого (§.751 Онтология), соответственно, уровни возникают из той величины, с которой мы воспринимаем добро (§.595) или зло через множество и величину удовольствий и отвращений, которые мы получаем от вещей, или с теми же восприятиями (§.596). Действительно, удовольствие, которое мы получаем от видимого блага, или даже от истинного, если оно ошибочно воспринимается как видимое, подвержено изменениям (§.564): аналогично, отторжение, возникающее из видимого зла, или даже из истинного, если оно воспринимается как видимое, также изменчиво (§.571). Поэтому, когда удовольствия и отторжения меняются, добро больше не воспринимается так, как прежде (§.597), и зло тоже не кажется таким, как оно казалось раньше (§.598); ни желание не столь сильно, как было ранее, ни отторжение не столь велико, как мы ощущали раньше, в силу того, что было показано. Таким образом, изменившееся мнение о величине блага или зла также приводит к изменениям в уровнях чувственного влечения и чувственного отторжения.

§. 601. Изменение аппетита и отвращения в противоположном направлении.

Если что-то, что раньше казалось хорошим, теперь воспринимается как плохое, то аппетит изменяется в отвращение. В то же время, если то, что ранее считалось плохим, теперь выглядит хорошим, отвращение превращается в аппетит. В начале объект казался нам хорошим, и мы его желали (§.589). Однако, с изменением нашего мнения, то же самое теперь считается плохим (§.590). Таким образом, если сейчас нечто, ранее казавшееся хорошим, стало плохим, аппетит переходит в отвращение. Аналогично, в другом случае, когда предложенный объект изначально воспринимался как плохой, мы его отвергали (§.590). Но теперь, после

изменения взгляда, это же самое считается хорошим, и отвращение меняется на аппетит. Это утверждение имеет такое же важное значение в моральной практике, как и предыдущее. Также стоит отметить, что данное утверждение следует объяснять так, чтобы аппетит и отвращение отражали способности души, не отходя от фиксированного значения слов. Аппетит считается изменяющимся в отвращение, когда вместо желания проявляется способность отвергать, и мы начинаем отвращаться от того, что раньше желали. То же самое относится и к противоположному случаю. Часто используемое предложение было целесообразно изложить кратко: в этом случае математики любят использовать сжатые формулировки. Примером может служить теорема Пифагора, которая обычно формулируется так: гипотенуза может быть сторонами.

§. 602. Дальнейшее рассмотрение.

Если явное удовольствие начинает вызывать скуку, наше стремление превращается в отвращение. Напротив, если скука переходит в удовольствие, отвращение становится стремлением, когда мы остаемся в неясном восприятии добра и зла. Действительно, если мы испытываем удовольствие от чего-то и остаемся в этом запутанном восприятии добра, мы стремимся к этому (§.591): если же от той же вещи мы испытываем скуку, мы начинаем ее избегать, при тех же условиях (§.592). Таким образом, если явное удовольствие превращается в скуку, то то, к чему мы раньше стремились, теперь вызывает у нас отвращение, и, следовательно, стремление переходит в отвращение, пока мы остаемся в неясном восприятии добра и зла. Если же скука превращается в удовольствие, то то, что раньше вызывало у нас отвращение, теперь становится объектом нашего стремления, и, таким образом, отвращение переходит в стремление, когда мы остаемся в неясном восприятии добра и зла. Таким образом, это становится очевидным при более глубоком анализе. Люди, которые получают удовольствие от запаха вина и смутно понимают, что такое добро, стремятся к нему именно из-за этого запаха. Однако, если на следующий день, будучи пьяным, они испытывают головную боль, усталость в суставах и тошноту, они начинают отвергать это вино. То, что раньше приносило удовольствие, теперь отвергается из-за скуки, которая приходит на смену наслаждению. То же самое происходит, если кто-то в начале чувствует скуку от изучения геометрии – он также начинает избегать этого. На самом деле, когда он достигает определенных успехов и начинает понимать силу доказательств, он вновь начинает получать удовольствие от этого. То, что раньше отвергалось из-за скуки, теперь становится желанным, так как приходит новое удовольствие. Поскольку большинство людей смутно понимают концепции добра и зла, это имеет большое значение в моральной практике и в оценке изменчивости человеческих желаний.

Глава III. О чувствах

§. 603. Определение аффекта.

Аффекты представляют собой акты души, благодаря которым мы сильно стремимся к чему-то или, наоборот, от чего-то отвращаемся. Это также более интенсивные акты чувственного желания и отвращения. Мы уже показали, что акты желания и отвращения различаются по своей степени (§. 599), что позволяет утверждать, что конкретные вещи могут существовать. Если ты воспринимаешь это определение как номинальное, то не стоит возражать против него. Дело в том, что слово уже укоренилось в языке и приобрело определенное значение, поэтому его не следует произвольно изменять (§. 142 Предварительное учение); необходимо продемонстрировать, что наше определение соответствует общепринятому языковому употреблению.

§. 604. Соответствует ли это употреблению речи.

Определение аффектов, соответствующее употреблению речи, становится ясным на примерах. Представим себе человека, который увлечён изучением природы и находит книгу, полную экспериментов и наблюдений. Он представляет себе некое смутное удовольствие, которое он получит от чтения, и сильно этого желает (§.595). Когда это желание проявляется с силой, мы приписываем ему аффект радости и стремления. Более того, если он должен описать своё состояние, он говорит, что его охватывает радость от того, что он нашёл эту книгу, и он не может дождаться, чтобы её прочитать. Аналогично, если кто-то, кто ценит добродетель, видит человека, погружённого в пороки, он так сильно отвращается от него, что даже от одного взгляда на него испытывает дискомфорт. Все утверждают, что его охватывает огромная ненависть, и он сам говорит, что ненавидит так сильно, что не может на него смотреть. В общем, все согласны с тем, что радость, желание и ненависть – это аффекты. Таким образом, мы связываем эти аффекты с душой из-за сильного стремления или отвращения; через аффект мы обычно обозначаем такие действия в разговорной речи. Поэтому, когда наше определение связывает название аффектов с действиями души, к которым мы сильно стремимся или от чего-то отвращаемся (§.603); оно также соответствует употреблению речи (§. 139 Log.).

То же самое объяснение специальных эмоций станет более ясным. Сколько существует видов эмоций, столько же можно привести примеров, которые говорят гораздо яснее, поскольку подтверждение зависит от того, насколько четко определены специальные понятия эмоций. Также можно провести эксперимент, сопоставляя идеи, выведенные а priori из понятия эмоции, с наблюдениями. Если они совпадают с общими понятиями, то само понятие эмоции в общем также должно быть с ними согласовано.

§. 605. Откуда возникают эмоции.

Эмоции возникают из нечеткого представления о добре и зле. Это более сильные акты чувствительного влечения и отвращения (§. 603). Чувствительное влечение возникает из нечеткой идеи добра (§. 580), а чувствительное отвращение – из нечеткой идеи зла (§. 582). Таким образом, эмоции также возникают из нечеткого представления о добре и зле (§. 548).

Это также подтверждается на практике. Примеры, которые мы использовали для подтверждения предыдущего утверждения, подтверждают это. Когда мы смутно представляем что-то как хорошее или плохое; мы считаем это хорошим, если получаем от этого удовольствие, и плохим, если испытываем скуку (§. 561.573).

Истина текущего утверждения будет более подтверждена индукцией отдельных видов, если кто-то не захочет его принять, пока не убедится в этом на собственном опыте.

§. 606. Качество чувств.

Когда мы испытываем удовольствие от чего-либо, мы часто воспринимаем это как нечто хорошее (§. 561), а когда испытываем скуку от того же, как что-то плохое (§.573). Аффекты возникают из нашего смутного представления о хорошем и плохом (§.605); они представляют

собой сильные желания и отвращения (§. 603), которые связаны с определенным уровнем удовольствия или скуки.

Различные виды аффектов подтверждают это утверждение, что станет очевидным при рассмотрении следующих пунктов.

§. 607. Являются ли скука и удовольствие видами аффектов?

Поскольку в каждом аффекте присутствует определенная степень удовольствия или скуки (§.606), удовольствие и скука ошибочно считаются видами аффектов.

Правильнее будет сказать, что аффекты – это различные проявления удовольствия и скуки. Хотя ты можешь испытывать удовольствие и скуку даже без явных аффектов, это не означает, что аффект можно считать отдельным видом; удовольствие и скука могут рассматриваться как общие категории, что легко понять из концепции родов и видов (§. 241 и далее Онтологии).

§. 608. Какие чувства считаются приятными.

Приятными считаются чувства, которые связаны с желанием или сопровождаются высоким уровнем удовольствия.

Очевидно, что эти два аспекта взаимосвязаны, как было показано ранее, поэтому не требуется дополнительных доказательств того, что если одно утверждение верно, то и другое также.

§. 609. Какие чувства можно назвать неприятными.

Неприятными являются чувства, которые связаны с отвращением или сопровождаются высоким уровнем скуки.

Снова становится очевидным, что эти два аспекта взаимосвязаны, как было ранее показано, поэтому не нужно доказывать одно из другого.

§. 610. Какие чувства можно назвать смешанными.

Смешанными считаются чувства, которые состоят из приятных и неприятных элементов, или в которых удовольствие и скука переплетаются.

Существование смешанных чувств будет установлено в результате специального анализа.

§.611. Как чувства влияют на изменения в теле.

Когда душа испытывает сильные эмоции, кровь и нервные жидкости в организме начинают двигаться необычным образом. Это можно наблюдать на практике. Никто не сомневается, что гнев относится к числу основных эмоций. Если кто-то впадает в гнев, его лицо краснеет, на лбу выступает пот, а движения тела и жесты меняются, хотя и не всегда одинаково. Некоторые люди в порыве гнева начинают резко произносить оскорбления. Другие сильно сжимают зубы, будто готовы укусить, и смотрят с яростью, как будто собираются метнуть в противника стрелы. Есть те, кто пинает, как лошади, и активно машет руками, как будто пытается с огромной силой что-то выбросить. Кроме того, есть люди, которые бросают все, что попадает под руку, с сильным порывом; некоторые крепко сжимают руки. Когда лицо краснеет от крови, это происходит из-за сильного воздействия тела, которое направляет кровь к крайним частям. Тепло, способствующее потоотделению, связано со скоростью, с которой кровь движется по артериям и венам; в результате кровь снова собирается и выталкивается сердцем с максимальной силой через артерии. Это также видно по пульсу: при прикосновении можно почувствовать, как кровь с огромной силой давит на стенки артерий, как будто собирается их пробить. Таким образом, становится очевидно, что скорость и направление движения крови изменяются, когда человек приходит в ярость, и этот поток начинает двигаться необычно. Изменения в выражении лица и жестах происходят благодаря движению мышц: мышцы не могут двигаться без активности нервной жидкости. Изменения в лице и жестах указывают на необычное движение нервной жидкости, или, если хотите, на движение жизненной силы, когда душа охватывается гневом. То же самое происходит и в состоянии страха. Когда

человек испытывает страх, его лицо бледнеет, руки становятся холодными, а сердце начинает сильно биться.

Руки и ноги часто держат неподвижно в той же хватке, которую они держат, и ум охватывает ужас. Аналогично, глаза застывают в одном выражении. Некоторые молчат с открытым ртом, в то время как другие издают прерывистые вздохи. Есть те, кто стоит, как статуя, и те, кто от усталости падает на землю, и так далее. Бледность лица возникает из-за того, что кровь из крайних частей тела отходит к внутренним органам; сердце начинает биться чаще из-за избытка крови, и его силы едва хватает, чтобы справиться с этой нагрузкой. Из этого можно сделать вывод, что кровь движется необычным образом по венам и артериям, когда мы испытываем страх. Кроме того, по изменению выражения лица и жестов можно понять, что и нервные жидкости также движутся необычно. Если же приведенные примеры кажутся недостаточными, стоит обратить внимание на другие виды эмоциональных состояний. Везде можно обнаружить явные признаки необычных движений как крови, так и нервной жидкости. Эти явления заслуживают внимания, поскольку их более тщательное наблюдение может привести к созданию теории выражения лиц и жестов для различных эмоциональных состояний. Хотя в разных предметах, о которых мы упомянули, эти явления могут проявляться по-разному, однако существуют общие принципы, которые можно абстрагировать и использовать для формирования теории. Эта теория не должна считаться бесполезной: в философии, особенно в моральной, ее полезность станет очевидной, особенно в понимании естественных склонностей и поведения людей, а также в установлении определенных основ физиогномики. Поскольку мы уже говорили о психологии, то нам важно разобраться с эмоциями, которые влияют на душу. Поскольку они изменяют состояние тела, это относится к физике, где мы исследуем причины, происходящие с телом. Поэтому, сосредоточившись на физических аспектах, нам интересно изучить различия эмоций в душе. §. 612. Степени удовольствия и их связь с добром.

Если нам кажется, что добро больше, то и удовольствие от него мы воспринимаем как более значительное; и наоборот, если от чего-то мы получаем большее удовольствие, это добро кажется нам более ценным. Если что-то кажется нам большим добром, мы, очевидно, осознаем некую высшую степень совершенства (§. 554), и, следовательно, мы также получаем от этого большее удовольствие (§. 516).

Предположим, что мы испытываем большее удовольствие от одного объекта, чем от другого: в этом случае мы, безусловно, осознаем большую степень совершенства (§. 511), и, следовательно, другое добро кажется нам более значительным (§. 554).

С этой предпосылкой мы будем работать в следующих параграфах, и она должна быть изложена заранее. Кроме того, из этой демонстрации становится яснее, почему, основываясь на своих ощущениях или соглашаясь с неясными понятиями, мы судим, что добро – это то, от чего мы получаем удовольствие, как мы предполагали ранее, опираясь на опыт: однако это заблуждение, поскольку удовольствие также может возникать от того, что добро лишь кажется таковым, но на самом деле не является (§. 561).

§. 613. Как соотносятся степени зла и тоски.

Если зло кажется нам значительным, то и тоска, связанная с ним, воспринимается как более глубокая; и наоборот, если мы ощущаем большую тоску от какого-то явления, то это зло тоже кажется нам более серьезным. Дело в том, что если что-то воспринимается как значительное зло, мы, скорее всего, осознаем, что это связано с большей степенью несовершенства (§. 565), и, следовательно, мы также ощущаем большую тоску от этого (§521).

С другой стороны, если мы ощущаем большую тоску от какого-то объекта, это также указывает на то, что мы осознаем его большую несовершенность (§.521), и, соответственно, зло кажется нам более значительным (§.565).

Эту пропозицию мы будем использовать в будущих доказательствах как основополагающий принцип, и поэтому она должна быть предварительно изложена здесь. Кроме того, из этого доказательства становится понятно, почему мы, основываясь на суждениях чувств и соглашаясь с запутанными понятиями, считаем зло тем, от чего мы ощущаем тоску, как мы предположили ранее, что подтверждается опытом.

§. 614. Определение радости.

Радость – это нечто удивительное, что мы связываем с ощущением удовольствия.

Названия эмоций, обладая значением из общего языка, не должны изменяться, чтобы даже произвольные определения оставались актуальными. Поэтому наша задача также заключается в том, чтобы показать, что они соответствуют значению, которое они имеют в повседневной речи. Поскольку это невозможно без предварительного представления основных принципов для доказательства, демонстрация не может быть добавлена к определениям и не может быть напрямую подчинена им. Пример радости: если кто-то увлекается редкими монетами, и, когда у него болит голова, ему предлагают то, что он долго искал безуспешно, он испытывает такую сильную радость, что перестает ощущать головную боль. В этот момент действительно можно сказать, что он радуется, потому что получил столь желанную монету.

§. 616. Как возникает радость.

Когда нам что-то даруют или мы обладаем чем-то, что представляется нам выдающимся благом, в нас возникает радость, и её величина соответствует тому благу, которое мы воспринимаем. Если то, что нам предоставлено, или то, что мы имеем, воспринимается как выдающееся благо, мы также испытываем удовольствие от этого (§. 558.559), пока представление остается запутанным (§. 536), и это удовольствие тем больше, чем больше нам кажется это благо (§. 612). Поэтому, когда огромное удовольствие превышает незначительное уныние, которое, возможно, воспринимается одновременно или могло бы быть воспринято; такое уныние, если оно существует, не воспринимается, или, если бы оно было, не было бы замечено (§. 528). Следовательно, когда удовольствие преобладает (§. 529), возникает радость (§. 614), и когда величина удовольствия соответствует величине блага, которое кажется, величина радости соответствует величине блага, которое мы воспринимаем.

Это также подтверждается на практике. Если кто-то считает какую-то книгу хорошей, потому что ему представляется, что он получит от её чтения определенные плоды, о которых он когда-то задумался, его радость возникает из запутанного представления. Если несколько человек радуются по той же причине, радость одного, однако, может быть больше радости другого, что можно заметить по выражению лица, жестам, голосу и словам. Если ты заинтересуешься различиями, то услышишь ответ человека, который испытывает больше радости, о том, что он долго искал такую книгу, составление которой явно указывает на влияние множества прошлых состояний на его текущее счастье. Ты также заметишь, что этот человек, испытывающий такую радость, устанавливает огромную ценность на знания, полученные из книги: он говорит, что эта книга для него дороже подарка в тысячу золотых; он предпочел бы тысячу талеров, чем остаться без этой книги. Ответы же другого человека, чье счастье не так очевидно, отличаются от первых. Именно из этих ответов невозможно собрать все прошлые состояния, влияющие на текущее состояние счастья, и нельзя определить лишь цену чувства. Поскольку счастье полностью зависит от уровня удовольствия, которое воспринимается (§. 614), отсюда следует оценивать и количество доминирования (§. 528); не зная психометрии, которая измеряет то, что присуще душе, невозможно, чтобы демонстрация таких количеств была бы абсолютно точной.

§617. Преобразование предыдущего утверждения.

Если возникает в нас радость от того, что что-то дано нам или что-то становится чем-то, что мы пьем; мы представляем себе это как очень хорошее, и чем больше мы наслаждаемся этим удовольствием, тем большее благо кажется нам. Действительно, когда в нас возникает

радость, удовольствие становится бесконечно преобладающим (§. 614), и настолько велико, что скука, если она и присутствует, не осознается (§. 529). Мы осознаем некую совершенную природу (§. 511), и радость возникает потому, что нам предоставляется что-то или что-то у нас уже есть по гипотезе; это, что нам дается или что у нас есть, должно восприниматься как нечто очень хорошее (§. 554). Более того, чем больше мы радуемся, тем больше должно быть преобладающее удовольствие (§. 614); следовательно, мы кажемся более осведомленными о большей совершенной природе (§. 516), и, соответственно, благо кажется тем более значительным, что является причиной нашей радости (§. 554). То, что было представлено для подтверждения предыдущей гипотезы, также подтверждает настоящую гипотезу.

§. 618. Определение радости в соответствии с общим языковым употреблением.

Радость можно определить как преобладание значительных удовольствий, и это определение соответствует общему языковому употреблению. Все мы испытываем радость от блага, которое касается нас: Декарт в своем «Трактате о страстях души», часть 2, статья 61, отмечает, что представление о благе вызывает в нас радость, когда это благо касается нас. Это подтверждается тем, что радость действительно связана с преобладанием значительных удовольствий (§. 616.617). Поэтому данное определение соответствует общему языковому употреблению. Хотя Декарт, кажется, утверждает, что любое благо, касающееся нас, вызывает радость, и это мнение широко распространено; однако опыт говорит об обратном.

Таким образом, хотя мы добавили два необходимых определения: первое – что идея о хорошем должна быть неясной, и второе – что высшее добро должно оцениваться, мы, тем не менее, не отказываемся от привычного языка. Конечно, те, кто молчит о этих определениях, не отрицают их и не ставят под сомнение. Даже если бы они полностью отрицали их или ставили под сомнение, это лишь указывало бы на недостаток внимания или проницательности; это далеко от того, чтобы указывать на что-то, что отличается от преобладания удовольствий под именем радости. Более того, есть те, кто вводит различные упоминания одной из этих определений, а именно, что идея о хорошем является неясной, хотя и под другим названием. Так, Жан-Батист дю Амель в своей моральной философии (Трактат 3, диспут 2, вопрос 3, статья 1, Философия древних и новых, Том 2, стр. 245) упоминает, что относительно хорошего или плохого они вращаются вокруг неясного. Отсюда видно, что, по его мнению, хорошее должно вызывать радость. Хорошее называется чувствительным, поскольку его идея неясна для нас. Поэтому упомянутый автор признает, что идея о хорошем должна быть неясной, если радость должна возникать из нее. Этот способ доказательства согласия определения с употреблением языка будет понятен тому, кто был внимателен в своих демонстрациях. Ещё легче это поймёт тот, кто также знает, что мы продемонстрировали относительно определённого в Онтологии. Кроме того, стоит отметить, что до сих пор авторы, как и обычные люди, чаще говорят о меньшем, чем содержится в их идеях. Наша философия, безусловно, исправляет этот недостаток.

§. 619. Определение грусти.

Грусть – это состояние, которое связано с преобладанием скуки.

Грусть противопоставляется радости, и из определения радости можно понять, как следует определять грусть. Радость определяется как преобладание удовольствий (§. 614), в то время как скука противопоставляется удовольствию в том смысле, в котором мы используем это слово (см. §. 518); следовательно, грусть должна определяться как преобладание скуки.

§. 620. Какова грусть.

Когда мы чувствуем грусть, наш дух испытывает такую скуку, что мы не можем воспринимать удовольствие, если оно есть, или, если его нет, мы не смогли бы его почувствовать. Действительно, когда мы грустим, скука преобладает (§. 619). Таким образом, скука настолько сильна, что если она присутствует, мы не ощущаем её, а если её нет, то не можем её ощутить (§. 529). Это также подтверждается на практике. Представим, что нам сообщают о смерти нашего близкого друга: в этот момент никто не сомневается, что мы испытываем печаль. Теперь пред-

ставим, что нам предлагают еду, которую мы всегда едим с удовольствием: никто не осознает, что в этот момент мы не чувствуем удовольствия. Есть ли кто-то, кто не знает, что в таком состоянии души мы можем сказать, что еда уже не приносит нам радости? На самом деле, вспоминая подобные состояния, мы часто говорим: «Мы не получим удовольствия от этой еды, которая раньше нас очень радовала», когда хотим выразить степень своей печали. Поэтому обычно, чтобы показать, насколько кто-то расстроен, мы рассказываем, что из этого или того мы не получили удовольствия, хотя раньше это нас очень радовало. В разговорном языке, который полон слов и фраз для точного выражения любых идей, это становится гораздо яснее не только в теории эмоций, но и в общей философии, особенно в практической. Вряд ли можно найти какое-либо состояние ума, для которого не существует специальной формулы выражения; и народ часто использует такие формулы более точно, чем образованные, чьи предвзятые слова о фразеологии отделяют их от реальности, игнорируя истинное значение.

§. 621. Откуда берется печаль.

Когда мы сталкиваемся с чем-то, что воспринимаем как огромное зло, это вызывает у нас запутанные мысли; в результате у нас возникает печаль, величина которой соответствует тому злу, которое мы видим. Если мы воспринимаем что-то как зло, мы осознаем свою несовершенство (§. 565), пока эта идея о зле остается неясной (§. 536). Если зло кажется нам действительно огромным, мы, следовательно, осознаем, что у нас есть значительная несовершенство, и, как следствие, наше уныние также становится значительным (§. 521). Поэтому, даже если появляется какое-то удовольствие, которое могло бы его превзойти, мы его не замечаем, или, если оно и есть, мы его просто не воспримем (§. 528), и, таким образом, уныние берет верх (§. 529). В результате возникает печаль (§. 619). Поскольку величина уныния соответствует величине нашего несовершенства (§. 521), величина этого несовершенства также соответствует злему (§. 565); печаль, которая выражается в величине уныния (§. 619), соответствует тому злу, которое мы воспринимаем.

Также это подтверждается и в дальнейшем. Здесь уместен пример, который мы использовали для подтверждения предыдущего утверждения (§. 620). То, что наш дорогой друг ушел из жизни, которого мы искренне любили, мы воспринимаем как зло, и это зло считается тем более значительным, чем большее благо приносила нам его дружба. Утрата друга, который был для нас источником великого блага, воспринимается как огромное зло всеми. Таким образом, печаль возникает из нашего мнения о том большом зле, которое мы испытываем. Поскольку печаль тем сильнее, чем ближе нам был друг, следовательно, чем большее зло нам кажется его утрата; величина печали явно соответствует величине этого зла. Понятие печали так же общее, как и радости: из того, что кто-то печален, мы можем сделать вывод, что с ним произошло что-то плохое; так же, как из того, что кто-то радуется, мы понимаем, что он испытал некое благо. Действительно, нам необходимо доказать, что утверждение может быть обосновано: для этой цели мы добавляем следующее утверждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.